

ПИСЬМА ТОЛСТОГО Н. Н. СТРАХОВУ

Публикация А. Петровского

Толстой познакомился с литературным критиком и философом Николаем Николаевичем Страховым (род. 16 октября 1828 г., ум. 24 января 1896 г.) в 1871 г. Но статьи Страхова еще раньше обратили на себя его внимание. 19 марта 1870 г. Толстой написал ему (но не отправил) большое письмо по поводу его разбора русского перевода книги Д.-С. Милля «О подчинении женщины». В ноябре 1870 г., после своих статей о «Войне и мире», Страхов обратился к нему с просьбой дать что-нибудь для напечатания в редактируемой им «Заре». Толстой «отвечал, что у него ничего нет, — рассказывает Страхов в своей автобиографической заметке¹, — и прибавил настоятельную просьбу заехать к нему в Ясную Поляну. В 1871 г. я... в июне поехал погостить у своих родных в Полтаве. Возвращаясь в Петербург, я остановился в Туле, переночевал, взял извозчика и поехал в Ясную. С тех пор мы ведаемся каждый год, т. е. обыкновенно я летом гощу у него месяц, полтора. Мы иногда спорили, охладевали друг к другу, но добрые чувства скоро брали верх; семья его полюбила меня, и теперь во мне видят старого, неизменного друга, каков я и есть на самом деле» и каким, добавим, считал его и Толстой, называвший его своим «дорогим и единственным духовным другом»².

Отношение Страхова к Толстому, как к художнику и мыслителю, граничило с преклонением, а его привязанность сквозила во всех письмах не только к самому Толстому, но и к другим лицам. Он гордился тем, что его статья о «Войне и мире», эта «критическая поэма в четырех песнях»³, была первой, отметившей гениальность этого произведения. По словам Т. А. Кузминской, Толстой сам считал эту статью лучшей критикой своего романа, написанной тонко и с большим пониманием. Толстой, в свою очередь, относился к Страхову с чувством большого уважения и любви, ценя в нем человека, одаренного художественным чутьем, и острого мыслителя. В течение ряда лет Страхов был ближайшим помощником Толстого в его литературных делах. Под его непосредственным наблюдением печаталась «Азбука», он правил корректуры «Анны Карениной», при его участии было издано в 1873 г. Собрание сочинений Толстого.

Громадная переписка Толстого со Страховым, охватывающая период с 1870 по 1896 г., опубликована еще далеко не вся. 70 писем Толстого были напечатаны в приложении к «Современному Миру» (1913, №№ 1—7, 9—12) и выпущены затем отдельной книгой в издании Общества Толстовского музея — «Толстовский музей», т. II. «Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870—1894. С предисловием и примечаниями Б. Л. Модзалевского» (СПБ., 1914; в дальнейшем обозначаем сокращенно: ПС). В это издание вошло и около 200 писем Страхова.

В 1893 г., еще при жизни Страхова, с писем Толстого к нему были сняты рукописные копии знакомыми Страхова — писателем Александром Модестовичем Хирьяковым и его женой Евфросинией Дмитриевной. Копии эти были переданы в архив В. Г. Черткова, но сохранились, к сожалению, не в полном составе. Из копий А. М. Хирьякова сохранилось 69 (из них 7 неполных — без начала или конца), а из копий Е. Д. Хирьяковой — 49 при чем 24 из них являются дополнениями к копиям А. М. Хирьякова. По этим копиям П. И. Бирюковым в его биографии Толстого, полностью или отрывками, было опубликовано 23 письма (Б и р ю к о в П. И., Лев Николаевич Толстой. Биография, т. II, М., изд. «Посредник», 1908), которые были затем перепечатаны в издании П. А. Сергеенко («Письма Л. Н. Толстого, собранные и редактированные П. А. Сергеенко», т. I—II, М., изд. «Книга». 1910—1911; сокращенно: ПТС).

Кроме того, 24 письма были опубликованы Н. Н. Гусевым («Толстой и о Толстом. Новые материалы. Сборник второй», М., изд. Толстовского музея, 1926, стр. 24—64; сокращенно: ТТ). Если к этому прибавить еще несколько единичных писем, появившихся в журналах и альманахах (в газете «Русь», 1881, № 16; в альманахе «Радуга», СПб., 1922) или в вышедшем уже LXIII томе Юбилейного издания Толстого, то этим исчерпываются все публикации писем Толстого к Страхову.

Ниже мы публикуем еще 26 писем, до сих пор или совсем неизвестных, или же известных лишь по нескольким выдержкам, приведенным П. И. Бирюковым и Н. Н. Гусевым в их биографиях Толстого. Большая часть писем (20) печатается по копиям А. М. и Е. Д. Хирьяковых, 2 письма — по автографам и 4 — по машинописным копиям, снятым, повидимому, когда-то с утраченных ныне хирьяковских копий. Письма приходится на период с 1870 по 1877 г. и отражают, главным образом, работу Толстого над «Азбукой» и «Анной Карениной».

Большинство печатаемых здесь писем не имеет авторской даты. Но на письмах сохранились пометки Страхова, которые могут означать или дату принятия письма на почту в Туле или в Ясенках, или дату прибытия письма в Петербург. Эти пометки Страхова, перенесенные переписчиками на копии, мы приводим в квадратных скобках, оговариваясь, что с датой написания они могут иногда совпадать, иногда же расколоться на два три дня.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. Никольский Б. В., Н. Н. Страхов, СПб., 1896, стр. 50.

² Письмо к Страхову от 27 ноября 1877 г. (ТТ, 2, стр. 38).

³ Письмо к Толстому от 26 ноября 1873 г. (ПС, стр. 38).

1

[25 ноября 1870 г., Ясная Поляна]

Милостивый государь Николай Александрович!¹

Вы не поверите, как мне больно отказать в содействии уважаемому журналу² и в особенности вам; но я не могу поступить иначе. Судите сами: у меня не только нет названия тому, что я буду писать (названий вообще я никогда не умею придумывать и прискиваю большей частью, когда все написано), но и нет ничего, над чем бы я работал. Я нахожусь в мучительном состоянии сомнений, дерзких замыслов невозможного или непосильного и недоверия к себе и, вместе с тем, упорной внутренней работы³. Может быть, это состояние предшествует периоду счастливого, самоуверенного труда, подобного тому, который я недавно пережил⁴, а может быть, я никогда больше не напишу ничего. Так вот почему я решительно не могу ничего обещать, как ни сильно я бы желал напечатать в Заре. Одно, что могу сказать — что если мне суждено написать еще что-нибудь, то, если это будет не длинно, я все отдам в Зарю, если длинно, то часть всего. Я понимаю, что для журнала нужно теперь, сейчас, в декабре, по крайней мере, а потому, если бы я вдруг начал работать и дошел бы до того состояния, в котором чувствуешь, что работа завладевает тобою, и потому уверен, что кончишь, я бы тотчас же известил вас и прислал бы вам название. Но это мало вероятно. Вот и все о делах. Теперь позвольте мне благодарить вас — не благодарить — потому что не за что, так же как и вам меня, а выразить ту сильнейшую симпатию, которую я чувствую к вам, и желание узнать вас лично. Я в Москве не был уже с год⁵, а в Петербурге надеюсь не быть никогда; поэтому мне мало шансов увидеть вас; но я воспользуюсь всяким случаем и прошу вас сделать то же; может быть, вам придется когда-нибудь проезжать по Курской дороге. Если бы вы заехали ко мне, я бы был рад, как свиданью с старым другом. Искренно любящий и уважающий вас

Гр. Л. Н. Толстой

Печатается по машинописной копии, хранящейся в Толстовском музее (в дальнейшем сокращенно: ГТМ). Дата копии.

¹ Толстой еще не был тогда знаком со Страховым и ошибся в его отчестве.

² Толстой отвечает на не дошедшее до нас письмо Страхова, в котором тот просил его дать что-нибудь для редактируемой им «Зари» (ежемесячный журнал либерально-славянофильского направления, издававшийся в Петербурге В. В. Кашперевым с 1869 по 1872 г.; в числе сотрудников были Ф. М. Достоевский, А. Н. Майков, Н. Я. Данилевский, М. П. Погодин, Д. В. Аверкиев и др.).

³ О замыслах Толстого в этот период нельзя сказать ничего определенного, так как от них ничего не осталось. В начале года в нем пробудился интерес к драматиче-

Н. Н. СТРАХОВ

Фотография

Институт литературы, Ленинград

ской форме, он усиленно читал драматические произведения: Шекспира, Гёте, Мольера, Пушкина и Гоголя и, по словам С. А. Толстой, собирался «писать комедию» («Дневники Софьи Андреевны Толстой. 1860—1891». М., 1928, стр. 31; в дальнейшем сокращенно: ДТС, I). Однако, это намерение было вскоре оставлено, и осенью 1870 г. Толстой был занят, повидимому, опять каким-то широким эпическим полотном. «Я тоскую и ничего не пишу, а работаю мучительно, — писал он А. А. Фету 17 ноября. — Вы не можете себе представить, как мне трудна эта предварительная работа глубокой пахоты того поля, на котором я принужден сеять...» (архив Толстого во Всесоюзной библиотеке им. В. И. Ленина; в дальнейшем сокращенно: АТБ).

⁴ Имеется в виду работа над «Войной и миром».

⁵ Толстой был перед этим в Москве в марте 1870 г.

[13 декабря 1873 г., Ясная Поляна]

О, дорогой Николай Николаевич, как бы я дорого сейчас (получив ваше письмо) дал за час беседы изустной с вами, вместо того чтобы писать.— Я недавно перечитывал Montaigne'a¹, и он говорит в одном месте: à moins qu'ils ne me, donnent une explication plus embrouillée que la chose même². И вспомнил это, когда читал ваше объяснение и доказательство необходимости понятия массы и инерции. Эти оба понятия с детства моего не укладывались в мою голову, помимо вопросов специально астрономических. И вот почему: понятие массы нам необходимо для объяснения силы. Самое же понятие массы включает в себя понятие силы, с в я з у ю щ е й все частицы массы. Понятие инерции основано на понятии массы и есть только отрицательное понятие движения.— Но я не говорю, чтобы эти отвлечения не были полезны для объяснения астрономических законов, я говорю, что для общих физических законов они ничего не объясняют и только путают и лишают всякой возможности открытия лучшего объяснения. Мне кажется, что для каждого объяснения должен быть составлен баланс, более ли оно объясняет, чем затемняет, и только когда оно более объясняет, оно может быть принято. Человек с здоровым и, допустим, до высшей степени образованным математически и словесно умом желает понять законы силы — той силы, которую он сознает в себе, и сил, которых действия он чувствует на себе беспрестанно, и ему говорят: инерция, масса и, виноват, всю ту путаницу по отношению к физическим явлениям, кот[орую] вы выписываете из Ньютона. Этот человек выслушает и скажет: для чего мне вся эта на веру принятая путаница, когда у меня есть другие, несомненные понятия о силе, заключающейся во мне самом, и о сопротивлениях этой силе — стало быть других силах, воздействие которых на меня и составляет мою жизнь. Законы отношений масс к силам я вижу в самых грубых проявлениях механической силы; но я не о том спрашиваю. Закона же инерции я не вижу и не могу понять, для чего он мне нужен. Я вижу другие два закона коренные, кот[орые] мне нужно объяснять, п[отому] ч[то] они созданы мной. Это закон силы жизни во мне, и посылке, кот[орую] я делаю во всем, что воздействует на меня (я вижу эту такую же силу в гниении (химическом процессе) и в махании хвостом собаки), и другой — закон тяготения, которому подчинены все эти другие силы, подчинены или связаны, переплетены, я не знаю; но вот две основы, с которых может начинаться всякое физическое объяснение. Если физическая философия найдет отношение этих сил, сведет их в одну, я буду очень рад. Если физическая фил[ософия] отбросит обе эти мне кажущиеся только основы и найдет одну, более простую и неизвестную мне, я буду очень рад. Но если физическая философия наговорит мне всякой чепухи, вследствие которой эти две создаваемые мною простые основы всего физического мира распадутся на бесчисленное количество выдуманых понятий массы, инерции, химического сродства, притяжения, отталкивания, упругости и мн[огого] др[угого], а вместе не объяснит мне отношения этих двух основ, то я могу только подивиться и подумать о том, каким путем могли дойти умные люди до такой бессмыслицы. И это объяснение я нахожу в том, что ньютоновская гениальная мысль для объяснения видимого движения небесных тел, весьма удобная для астрономии, перенесена в физику. И тот же прием, естественный для объяснения небесных тел, рассматривая их отдельно (Сатурн нельзя смешать с Сириусом, пот[ому] ч[то] они на миллионы верст, но не атом даже, а видимую крупинку железа нельзя рассматривать отдельно по ее массе), перенесен в физику, и все изучение посвящено на бесконечно малые, т. е. на такие,

где можно врать, что угодно, и утешаться тем, что логически правильно построенная формула, пропущенная через ряд математических вычислений или физических соображений, выйдет опять, хотя и в другой форме, но логически правильно построенною.

Знать сущности вещей мы не можем. Весь успех наук состоит только в том, чтобы находить такую точку зрения, с которой легче обнимать наибольшее количество явлений (поэтому Линеева² классификация — в самом низком роде — но успех науки), и вся астрономия есть только классификация весьма искусная. Таблица этой классификации очень хитрая, искусная и потому легко много обнимающая. Я нисколько не верю в то, что земля вертится и круглая et cetera, но я знаю, что это лучшая точка зрения, и потому благодарен за ее приобретение. Точно того же я ищу в физике и нахожу совершенно противоположное. Мало того, я вижу, что они вовсе потеряли из вида то, что одно есть на потребу, т. е. объяснение видимых и сознаваемых явлений, и что они, приняв годное для астрономии предположение Ньютона, гнут на то же объяснение физических явлений.

Смейтесь надо мной, браните меня, но будьте снисходительны во внимание того, что я такое к вам имею доверие, что выкладываю вам мысли сыры[e], к[оторые] и не следовало бы так говорить необдуманно.

Моя работа с романом на-днях только пошла хорошо в ход⁴. А то все был нездоров и не в духе.

Отвечайте пожалуйста⁵.

Ваш Л. Толстой

Печатается по автографу, хранящемуся в ГТМ. Ответ на письмо Страхова от 7 декабря 1873 г., являющееся, в свою очередь, ответом на неизвестное нам письмо Толстого. В письме этом продолжается спор по поводу основных понятий физики и механики, возникший, повидимому, на почве чтения и обсуждения Толстым последней книги Страхова «Мир, как целое». Дата Н. Н. Страхова.

¹ «Мысли» Монтэня (1533—1592) остались до конца жизни любимой настольной книгой Толстого. Письмом к А. Л. Толстой от 28 октября 1910 г., уже после своего ухода из Ясной Поляны, он просил прислать ее ему в Шамордино.

² «Разве только они дадут объяснение еще более запутанное, чем сам предмет».

³ Линней Карл (1707—1778), шведский естествоиспытатель, создавший систему классификации растений.

⁴ Толстой в это время заканчивал первую часть «Анны Карениной». В начале марта 1874 г. он отдал ее в «Русский Вестник», где она увидела свет, однако, только в первой книжке 1875 г. Увлечение педагогическими вопросами отвлекло его от продолжения работы над романом, и только зимой 1874—1875 г. он, с большой неохотой, снова принялся за него.

⁵ Ответ Страхова неизвестен.

[25 августа 1875 г., Ясная Поляна]

Дорогой Николай Николаевич.

Сейчас (2-й день нашего возвращения из Самары) прочел Последнего идеалиста¹ и очень вам благодарен за него. Вместе с вашими последними письмами и этим, я имею от вас все то, что вы хотите и можете сказать о себе², и, признаюсь, я много, много узнал нового.

Я узнал, главное, то из вашей повести, о чем я и догадывался всегда, что ваше сочувствие ко мне и мое к вам основано на необыкновенной родственности нашей духовной жизни. Я надеюсь, что эта отрезанность пуповины, это равнодушие к одной стороне жизни есть только признак другой пуповины, пропускающей более сильные соки, и надеюсь, что ни вы, ни я не хотели бы поменяться с теми, которым мы лет 25, 20 тому назад так завидовали.

И как вы правы, что Гамлет Ш[тигровского] у[езда] ³ и лишние люди не произошли от того, что Ник[олай] Павлов[ич] ⁴ любил маршировку, как нам это внушают Анненковы ⁵, и что это не есть плачевная слабость одного периода русской жизни, или даже вообще русского человека, а это есть громадная, новая, не понятная Европе, понятная индейцу сила. Признаюсь вам; я всегда чувствовал то, что чувствовал ваш герой и Гамлет, но никогда не жаловался на это, а гордился и радовался и теперь, чем ближе к смерти, тем больше радуюсь.

Мы приехали 3-го дня благополучно. Я не брал в руки пера два месяца и очень доволен своим летом. Берусь теперь за скучную, пошлую А[нну] Карен[ину] ⁶ и молю бога только о том, чтобы он мне дал силы спихнуть ее как можно скорее с рук, чтобы опростать место — досуг, очень мне нужный — не для педагогических, а для других, более забирающих меня занятий. Педагогические занятия я люблю также, но хочу сделать усилие над собой, чтобы не заниматься ими.

Что вы делаете? Успокоились ли вы от грустных впечатлений кончины вашего брата? ⁷ Главное, работаете ли вы? и что? Мое знакомство с философом Соловьевым ⁸ очень много дало мне нового, очень расшевелило во мне философские дрожжи и много утвердило и уяснило мне мои самые нужные для остатка жизни и смерти мысли, которые для меня так утешительны, что если бы я имел время и умел, я бы постарался передать и другим.

Есть ли надежда увидаться с вами нынешний год? Не поедете ли куда-нибудь через Москву? В Москву я бы приехал к вам, или вы приехали ко мне. К себе же звать вас из Петербурга я разумеется не смею.

Ваш Л. Толстой

Печатается по машинописной копии из архива В. Г. Черткова. Дата копии.

¹ «Последний из идеалистов (Отрывок из ненаписанной повести)» Н. Н. Стрехова. Написан в 1866 г. и в том же году напечатан в «Отечественных Записках», т. CLXVII, № 7, отд. I, стр. 105—124; позднее вошел в книгу: Стрехов Н. Н., Воспоминания и отрывки, СПб., 1892, стр. 257—295.

² Из писем Н. Н. Стрехова, написанных «о себе» до настоящего письма, известно письмо из Рима от 22 апреля 1875 г., в котором он, между прочим, писал: «Вы задаете мне несколько вопросов и даже упрекаете меня в той (будто бы моей) мысли, что вы об одном себе думаете. Нет, Лев Николаевич, этой мысли у меня нет, я знаю, как вы добры, и чувствую вашу любовь. Но я писал вам все об вас да об вас, потому что искренно вхожу в ваши интересы и мысли. Я поступаю так почти со всеми, даже иногда с пустейшими людьми, — с вами же считаю это и за долг и за радость. Но что правда, то правда, я от вас скрывался, я не был откровенен, говоря о самом себе. Отчего же? Скажу прямо — мне было стыдно открывать вам то уныние, тот упадок духа, которые овладевают мною.

Я думал: вольность и покой
Замена счастью. Боже мой!
Как я ошибся, как наказан!

Может быть я переживу этот период, и обновится «моя юность яко орля», но теперь я не вижу выхода. Вот два года, как я ищу дела и не нахожу его. Все меня слабо интересует, все не дорастает до огня, который бы согрел мою душу. На эту тему я мог бы писать без конца, но мне это стыдно, да притом это совершенно бесполезно и никому не интересно. В конце письма вы высказываете очень хорошее пожелание: «будьте сильны», вы пишете. Да, именно этого мне следует пожелать» (ПС, стр. 61—62).

³ «Гамлет Штигровского уезда» — рассказ И. С. Тургенева, напечатанный в «Современнике», 1849, № 2.

⁴ Николай I.

⁵ Анненков Павел Васильевич (1813—1887), критик и мемуарист.

⁶ 26 августа С. А. Толстая писала Т. А. Кузьминской: «Левочка налаживается писать и ходит на охоту» (ГТМ), но наступивший вскоре после этого период болезней в семье Толстых (коклюш, преждевременные роды и т. д.) не дал возможности Толстому работать, и он в октябре снова писал А. А. Фету: «Надеюсь приняться за рабо-

ту», и лишь 12 декабря С. А. Толстая могла написать Т. А. Кузминской, что «Левочка начинает заниматься романом» (ГТМ).

⁷ О брате Н. Н. Страхова мы никакими сведениями не располагаем.

⁸ Владимир Сергеевич Соловьев (1853—1900) около 10 мая приезжал в Ясную Поляну (см. ниже переписку Соловьева с Толстым).

4

[1—20 декабря 1875 г., Ясная Поляна]

Ваше письмо, дорогой Николай Николаевич, произвело на меня такое сильное впечатление, что защемило в носу и слезы выступили в глаза¹. Это впечатление производит на меня выражение всего настоящего, «Das Echte», которое так не часто встречается. Поразило оно меня еще и потому, что оно спрашивало то самое, или, по крайней мере, делало вопросы из той самой области, в которой я сам для себя, пред этим, писал ответы на занимающие меня вопросы².

Я вам посылаю то, что я написал вроде предисловия к задуманному мною философскому сочинению. Вы увидите из этого, что из 3-х вопросов Канта меня (в этом различие наших характеров) занимает только, и с детства занимал, один последний вопрос — на что мы можем надеяться?

Различие между мною и вами только внешнее. Для всякого мыслящего человека все три вопроса нераздельно связаны в один — что такое моя жизнь, что я такое? Но каждому человеку инстинкт предчувствия, опыт ума — что...³ указывает на то, какой из этих трех замков этих дверей легче отпирается, для какого у него есть ключ, или, может быть, к какой из дверей он приткнут жизнью, но несомненно то, что достаточно отворить одну из дверей, чтобы проникнуть в то, что заключается за всеми. Я вполне понял то, что вы говорите, и хотя бы желал дожидаться вашего разъяснения и разграничения пассивной и активной деятельности, я не могу воздержаться от желания изложить вам мой ответ на этот вопрос: что я должен делать?

Я знаю, что это очень дерзко и может показаться странным и легкомысленным — отвечать на такой вопрос на 2-х почтовых листках бумаги, но я имею причины, по которым считаю, что не только могу, но должен это сделать. И сделал бы это, если бы я писал не письмо вам, близкому человеку, но если бы я писал свою *profession de foi*, зная, что меня слушает все человечество.

Вот какие это причины:

(Пожалуйста слушайте меня внимательно, не сердитесь на это отступление и поправьте, что не точно, уясните, что не ясно, и опровергните, что не верно. Это отступление есть в сущности то, что называют изложением метода.)

При всяком научном изложении предполагается, что излагаемая наука неизвестна слушателю или читателю. Если даже что и известно, то излагающий науку требует, чтобы читатель забыл то, что он знает, и излагающий начинает сначала определять по-своему, сообразно с имеющимися в виду целями науки, каждое известное слушателю явление. Полагаю, что вы, прочтя это, уже сами подставили примеры из математических, естественных и политических наук, которые подтвердили то, что таков прием и ход изложения всех наук.

Прием этот во всех науках естественен и необходим, потому что результаты знания (в какой бы то ни было отрасли наук) не могут быть известны слушателю — он не может понять их и поверить в их действительность, если прежние понятия его о явлениях известной области зна-

ния не были исправлены и если он не был введен шаг за шагом в объяснение первых явлений.

Человек не может узнать вес солнца и поверить в истинность вычисления, если ему не показано, что солнце не ходит; и не может поверить в дарвинову систему, если понятие лошади, рыбы и т. д. не заменено в нем понятиями организма и его функциями.

Нужно заметить еще то, что в изложении всех наук прием изложения, поправки, которые делаются в понятиях слушателя, т. е. способ определения простейших явлений науки делается не по одному общему закону, но всегда только сообразно с последними результатами, которых достигла наука (и которые, хотя и известны излагающему, не известны слушателю), так что определение простейших явлений представляется и действительно есть произвольно, или зависимо от той степени, на которой стоит наука. Во времена древних говорили — огонь — стихия, во времена Ньютона — истекающие лучи, теперь говорят — движение эфира. Все науки не могут поступать иначе, ибо есть всегда известные излагающему и неизвестные слушателю результаты науки, к убеждению которых надо привести слушателя.

Одна только философия (настоящая философия, имеющая задачей ответить на вопросы Канта, объяснить смысл жизни) не имеет этого свойства других наук, заключающегося в том, чтобы, поправляя первобытные простейшие понятия слушателя и давая им новые определения, привести его к известным излагающему и неизвестным слушателю последним результатам, до которых достигла. Я говорю, что философия (настоящая) не имеет этого свойства, а между тем стоит только почитать все те книги, на обертках которых написана философия, для того, чтобы найти во всех этих книгах именно то свойство, которого, по многим словам, чужда философия. Это происходит, во-первых, оттого, что многие из этих книг вовсе не философия, как все позитивистические сочинения такого рода, в которых со всею строгостью применяется и может быть применяем научный метод, другие же — истинные философские книги (Декарт, Спиноза, Кант, Фихте, Гегель, Шопенгауэр), но в изложении которых принят несвойственный предмету метод. (Платон резко выделяется из всех правильностью, по моему мнению, своего философского метода. Шопенгауэр ближе всех к нему...) Все философские сочинения с этой точки зрения подразделяются для меня на три отдела.

1) Материалистов, позитивистов, которые, ставя низко, и потому неверно, цель философии, с полной строгостью применяют к философии общий научный метод и вполне достигают своей цели; но по сущности своей цели остаются вне философии.

2) Идеалисты, спиритуалисты, которые ставят цель философии во всем ее объеме; но для изложения ее берут общие научные приемы, от которых, по мере силы и глубины мысли, они более или менее отступают (Гегель никогда не отступает, Шопенгауэр беспрестанно).

3) Платон, Шопенгауэр и все религиозные учения ставят настоящую цель философии и в изложении ее не держатся научного метода, т. е. не поправляют первобытных и простейших понятий слушателей, а отыскивают смысл жизни, не разлагая на составные части тех понятий, из которых слагается жизнь для каждого человека.

Но вы, может быть, спросите меня — по какому праву я делаю такое смелое подразделение всех философских учений на основании положения о различии метода философии и всех других наук, тогда как необходимость этого различия не доказана.

Необходимость этого различия доказывается следующим.

1) Если справедливо, что научный метод изложения состоит в том, чтобы исправлять понятия слушателя об известных предметах и заменять

их известными точными определениями, с целью вести его путем этих определений до понятия общих законов, то очевидно, что в философии прием этот неприменим, ибо на самой высшей ступени философского знания ни одно из тех основных понятий, из которых складывается философское знание, не может быть известно, иначе понимаемо, иначе определено. В астрономии понятие низко ходящего солнца зимою заменяется совершенно другим понятием — перемены положения земли на своей орбите, или в физике или в химии понятие огня на светильне — понятием химического соединения; но основные понятия философии, элементы, из которых она складывается, никогда не могут изменяться и не изменились с тех пор, как мы знаем человечество, — ни у дикого, ни у мудрого. Мое тело, моя душа, моя жизнь, мое желание, моя мысль, мне больно, мне дурно, мне хорошо, мне радостно, всегда одни и те же и не могут быть ни яснее, ни темнее ни для дикого, ни для мудрого. Следовательно, к философии, к такому знанию, которое имеет предмет, душу, жизнь, мысль, радость и т. д., научный прием поправления и переопределения тех понятий, из которых состоит наука, не приложим.

2) Доказательство того, что к философии не приложим научный прием, я основываю на том, что всякая наука начинает с того, что в каждом подлежащем науке явлении она отделяет ту сторону, которая подлечит ей, резко отстраняя от своего ведения все другие стороны явления. И пройдя весь свой путь, всякая наука обобщает только одну сторону явлений, не только не заботясь о согласии других сторон явлений с выведенными ею данными, но часто торжествуя это несогласие, доказывающее успехи науки. Философия же по самой своей задаче не может устранить ни одной стороны из тех явлений, которые занимают ее. Самые предметы, которыми занимается философия, жизнь, душа, воля, разум, не подлежат рассечению, устранению известных сторон. Явления, составляющие предмет науки, суть явления, познаваемые нами посредственно в внешнем мире; явления же, составляющие предмет философии, все познаются нами в внутреннем мире непосредственно, и мы можем наблюдать их в внешнем мире только потому, что знаем их из внутреннего мира, — и эти явления только тогда могут составлять предмет философии, когда они взяты в своей цельности, т. е. такими, какими мы их познаем непосредственно. Возьмите для примера жизнь, волю, разум. Жизнь, как деятельность организма, может быть предметом физиологии, как явление в государстве — предметом права, истории, как ряд химических процессов — предметом химии, как ряд физических явлений — физики; но жизнь, как предмет философии, есть жизнь во всей ее цельности, т. е. то, что все живущее знает о себе. Итак, если в изложении наук необходимо избрание одной стороны явлений и отстранение всех других, то по существу предмета философии этот прием не приложим к ней.

3) Доказательство состоит в том, что убедительность положений, даваемых каждою наукой, состоит, как говорит Шопенгауэр, в логической, физической, математической или моральной необходимости, в том, что, отстранив известную сторону явлений и излагая только одну, излагающий рядом выводов приводит слушателя к убеждению в тех общих законах, которые выводятся из этих сторон явлений; и слушатель формально бывает вполне неотразимо убежден в сообщенных ему этим путем данных, внутренне же остается совершенно свободен от принятых им убеждений.

Совсем не то происходит при изложении философии. При философском изложении невозможно переопределять тех понятий, из которых складывается философское знание, невозможно урезывать эти понятия, а нужно оставлять их во всей их цельности, так как эти понятия, при-

обретаемые непосредственно, и потому невозможно из этих понятий строить цепь какой бы то ни было необходимости. Все эти понятия не подчиняются ни одному из выставленных Шопенгауэром положений о достаточности оснований. Все эти понятия не подлежат логическим выводам, все они равны между собой и не имеют логической связи; и вследствие того убедительность философского учения никогда не достигается логическими выводами, а достигается только гармоничностью соединения в одно целое всех этих нелогических понятий, т. е. достигается мгновенно, без всяких выводов и доказательств, и имеет только один прием доказательств — тот, что всякое другое им данное соединение бессмысленно. Поэтому под гармоническим соединением я разумею только наилучшее соединение. В подтверждение этого положения я прошу вас вспомнить недействительность философских научных теорий и действительность и силу религий не на одни грубые и невежественные умы, как вы сами знаете.

Другое подтверждение этого положения есть то, что философия есть то знание, в котором зиждется все воззрение на мир (с всеми знаниями), что в философии замыкаются все отрасли знаний.

Если знания со всем бесконечным прогрессом суть стены цилиндра, то нет и не может быть философии; но если знания суть стены конуса, то вершина конуса не может быть построена тем же путем, каким строены стены.

Итак, 3-е доказательство того, что к философии не приложим научный прием, состоит в том, что убедительность наук зиждется на логике, на выводе, убедительность же философии на гармоничности.

Говоря о методе наук и философии, я невольно сделал почти определение того, что я разумею под философией, и рад, что сделал это, и постараюсь сделать еще определеннее и точнее. А то очень часто мы, любящие философию, не понимаемы и не понимаем других. От философии требуют или слишком многого, или слишком малого. Позитивист говорит: вы не можете логически доказать справедливость вашего воззрения, поэтому оно не научно и не нужно. Верующий человек говорит: вы ничем не можете подтвердить справедливость вашего воззрения, поэтому оно произвольно.

Для этого-то мне кажется, что нужно ясно определить то, что мы разумеем под философией, чтобы нам не говорили, что она не нужна, чтобы от нас не требовали, чего она не может дать, и вместе с тем признавали, что она не случайна.

Философия, в личном смысле, есть знание, дающее наилучшие возможные ответы на вопросы о значении человеческой жизни и смерти.

В общем смысле, это есть соединение в одно согласное целое всех основ человеческих знаний, которые не могут получить логических объяснений.

Я вижу пропасть недомолвок, неясностей, повторений и противный докторальный тон во всем, что я написал, но я стою за основную мысль о методе философии, которую, надеюсь, вы разберете в этом сумбуре. Эта мысль мне необходима для того, чтобы начать изложение того, что я думаю о тех вопросах, которые занимают меня. Основная мысль та, что всякое (и мое поэтому) философское воззрение, вынесенное из жизни, есть круг или шар, у которого нет конца, середины и начала, самого главного или неглавного, а все начало, все середина, все одинаково важно или нужно, и что убедительность или правда этого воззрения зависит от его внутреннего согласия, гармоничности, и что я, желая выразить эти воззрения, сделаю безразлично, если начну с ответа на тот самый 2-й вопрос Канта о том, что я должен делать, который занимает вас; хотя в моем плане этот вопрос этики представляется мне одним из последних.

Вы говорите: что я должен делать? Грудной ребенок не спрашивает, что он должен делать; он сосет, хочет жить — любит себя; также не спрашивает про это умирающий от болезни или от старости человек. Он желает не страдать, хочет умереть. Почему же мы с вами спрашиваем себя, что делать? Только оттого, что мы хотим жить и хотим умереть вместе. Но мы живем не от старости к детству, а от детства к старости. Надо идти по течению, чтобы чувствовать спокойствие, твердость, внутреннее удовлетворение, надо хотеть умереть. Что такое хотеть жить? Это любить себя. Хотеть умереть — это не любить себя, не себя любить — что одно и то же. Если бы было ясно для вас, как ясно для меня, что любить, желать и жить — одно и то же, то я прямо сказал бы, что в детстве мы желаем для себя, живем в себя, любим себя, а в старости живем не для себя, желаем вне себя, любим не себя, и что жизнь есть только переход из любви к себе, т. е. из жизни личной, т. е. этой, к любви не себя, т. е. к жизни общей, т. е. не этой, и потому на вопрос, что я должен делать? я ответил бы: любить не себя, т. е. каждый момент сомнения я разрешал бы тем, чтобы выбирать то, где я удовлетворяю любви не к себе.

Печатается по машинописной копии. В конце дата: «16 февраля 1876 г.», несомненно, ошибочная, так как Толстой отвечает на письмо Н. Н. Страхова от 16—23 ноября 1875 г., и ответ Страхова на печатаемое письмо датирован 25 декабря 1875 г. Поэтому есть все основания датировать его первой половиной декабря 1875 г.

¹ В письме этом, от 16 ноября, Страхов писал: «...мне хочется сказать, как я понимаю вас, какое высокое значение имеет для меня тот нравственный дух, которым все у вас проникнуто. Вы не моралист, вы истинный художник; но нравственное мирозерцание всегда отзывается в художественных произведениях, и я с изумлением и радостью вникаю в ваши образы, следя за этим мирозерцанием. Может быть я скажу вам то, что вы сами не сознаете. Отвлеченные нравственные правила всегда узки и односторонни, и в ваших созданиях выражается гораздо больше, чем кто-нибудь (даже вы сами) может формулировать отвлеченным языком. Искусство часто упрекали в безнравственности... Но когда вы начинаете создавать образы, то у вас является бесконечная, несравненная чуткость относительно их нравственного смысла; вы судья, — в одно и то же время и беспощадно пронизательный и совершенно милостивый, умеющий все оценить в надлежащую меру...

И так я вас понимаю и дорожу в вас этим бесконечно. Строгих судей, напярженных идеалистов очень много на свете. Но люди с вашим взглядом — величайшая редкость. Вы для меня похожи на благодушнейшего христианского монаха, у которого прощения и снисхождения столько же, сколько и самых высоких и строгих требований. И вот черта, на которой я хочу остановиться. Нравственные правила не должны быть жестоки; они должны быть милосердны. Это следует уже из того, что нравственность должна существовать для всех, а люди большей частью очень слабы и ограничены. Из трех главных вопросов, которые указывает Кант в Критике Чистого Разума: 1) Что я могу знать? 2) что я должен делать? 3) чего мне следует надеяться? я считаю самым важным второй. Как бы ни были решены первый и третий, и хотя бы я совсем не умел их решить, на второй я должен ответить сейчас же, он один неотложен и безусловно необходим. Скажу вам прямо, что таково мое душевное настроение, то есть, что я стал очень равнодушен к познанию и к вопросу о будущности души. Я кажется легко бы отказался от желания ясных ответов на этот вопрос, если бы только мне было твердо указано, что делать, — в переводе на христианский язык: как спасти свою душу? Но посмотрите, какой это страшный вопрос: Кто и когда может иметь на него полный ответ? Я разумею при этом ответ, который бы определял и деятельное отношение к жизни. В самом деле, для пассивного отношения к жизни мы еще имеем ответы, но не для деятельного. Если я починаюсь своей натуре и обстоятельствам, то может быть мне достаточно правила: избегай зла, будь добр и честен. Но если я считаю своей обязанностью не только воздерживаться, но и действовать, то есть работать над собственной натурой и вмешиваться в дела других, в ход обстоятельств, то передо мною возникают задачи бесконечные, неодолимые. Отшельник, ежеминутно думающий о подвигах, политик, без усталости работающий для прогресса и своей партии, — вот люди деятельного долга, которые знают, что они должны делать. Но ведь эта фанатическая борьба с самим собою, или с ходом всемирной истории,

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ПИСЬМА
Н. Н. ТОЛСТОГО К Н. Н. СТРА-
ХОВУ ОТ 2 ЯНВАРЯ
1876 г.

Толстовский музей, Москва

2 янв. 1876. Ясн

Получил ваше письмо, дорогой Николай Николаевич, и сейчас же отвечаю кратко под первым впечатлением. На-днях же пришло вам длинное переписываемое письмо! ¹ Пожалуйста и вы делайте так же. Та переписка сама собой, а дружеская и быстрая сама собой.

Во-первых, я несогласен с подставлением вами слов анализ и синтез под то, что я говорю ². Эти злодейские слова вместе с субъективн[ым], объективн[ым], индуктивным и дедуктивным методами наделали столько

Мне нужно научиться не делать свою жизнь, а как-нибудь принимать ту, которая мне дается, я должен покориться неведомому мне творчеству» (ПС, стр. 68—70).

К этому времени, почти к этим дням, относятся два отрывка незаконченных философских трактатов Толстого, озаглавленных «О будущей жизни вне времени и пространства» и «О душе и жизни ее вне известной и понятой нам жизни». Первый датирован 17 ноября 1875 г., а второй—25, 26 и 27 декабря того же года. Оба философских отрывка напечатаны в т. XVII Юбилейного издания сочинений Толстого.

³ Так в копии.

[2 января 1876 г., Ясная Поляна]

Получил ваше письмо, дорогой Николай Николаевич, и сейчас же отвечаю кратко под первым впечатлением. На-днях же пришло вам длинное переписываемое письмо! ¹ Пожалуйста и вы делайте так же. Та переписка сама собой, а дружеская и быстрая сама собой.

Во-первых, я несогласен с подставлением вами слов анализ и синтез под то, что я говорю ². Эти злодейские слова вместе с субъективн[ым], объективн[ым], индуктивным и дедуктивным методами наделали столько

бед, что я их боюсь и ненавижу. Эти слова и деления близко ходят около того главного деления всего познаваемого, о [котором] я намерен вам писать в следующем письме, но не попадают в настоящую черту деления, и потому под ним подразумевается весьма многое и неясное.

Во-вторых, я был поражен новыми доказательствами нашего умственного родства. Вы пишете о спиритизме, я чуть было не написал о нем. Статья моя вся готова³. Меня статьи в Р[усском] В[естнике] страшно волновали⁴.

Поразительны для меня три вещи. 1) То, что мужики видят чертей беспрестанно, и никто не находит, что это явление, заслуживающее внимания, что это факты; а увидели Бутлер и Вурст⁵, и я должен верить им — это факты. Мне хотелось показать, что истории мужицких чертей столь же вероятны, как и ихние, но что доверия заслуживает не Бутлер и Вурст, одуревший, сидя над микроскопом или ретортами, а свежий мужик, кот[орый] знает много меньше (анализ, по-вашему, развит меньше), но у которого основы всякого знания, верования, религиозное воззрение на мир (синтез, что ли), без сравнения правильнее, чем у Вурста. 2) С фактами не спорят — опыт, подвергнуть опыту. Как это ученые (анализом занимающиеся) не знают, что, прежде чем что-нибудь подвергать опыту, знают — что — какого рода явления могут выйти из их опыта. Астроном поверит, что может явиться комета величиною с солнце, и будет ее наблюдать; химик знает, что из соединения каких-нибудь бромов и еще чего может сделаться треск, вода, жар, холод и т. п. Но если астроном увидит, что мимо телескопа пролетит сапог, если он не рехнулся, то он не станет наблюдать сапог, и если у химика из соединения получатся прекрасные стихи, то он не станет их наблюдать. Как же они предлагают подвергнуть нау ч н о м у исследованию — какому? — умные слова, индианку, музыку, стуки в стол и т. п.⁶ 3) Поразительно, что эти факты выходят из лагеря людей, которым наука помешала признать существование в человеке чего-то, не подлежащего законам мертвого мира.

В-третьих, наше умственное родство поразило меня еще тем, что вы говорите о разумности, несомненности и тщете законов мира неорганического. Почти то же я писал в то же время в отрывке, который пришлю вам в следующем письме⁷. Впрочем эта мысль ваша. Она несколько раз выражается и чувствуется в вашей книге⁸, кот[орую] я вновь перечитал на-днях и перечитал, как новое. Как бы я хотел читать эту книгу с вами. Спрашивать вас и делать свои возражения. Вопросы, подлежаемые и решаемые в ней, теперь особенно занимают меня, в особенности о различии органич[еского] и неорганич[еского]. Теперь, в-четвертых, — я совсем несогласен с вами о делении людей на деятельных и пассивных и о том значении, к[оторое] вы придаете тем и другим. Виноват, но я слышу тут отголосок неудавшейся мысли Григорьева о хищных и смиренных типах⁹, к[оторой] я никогда не понимал. Самое деление не правильно. Противуположное смирному есть бунтующий или горящий, но не хищный. Главное же, самая мысль не верна. Тут вы платите дань, несмотря на ваш огромный независимый ум, дань Петербургу и литературе. Вы говорите: лучшие силы недейтельны, а те деятельны. Да ведь это только в литературе. Т. е. одни знают, что сами ничего не знают, и учатся, а другие, невежды и тупицы, ничего не зная, учат и не учатся. Но это только в литературе. А в (маленькой штучке) в жизни? Кто пашет, сеет, нанимает, торгует, распределяет деньги, ездит, набирает солдат, командует, главное, рождает и воспитывает себе подобных и лучших? Все недейтельные, пассивные люди? Это совсем, совсем не верно.

Если вам не в труд, и книги эти стоят не более 10 рублей, пришлите мне Юма философа и Бекона на каком-нибудь из новых языков. Французское и английское лучше всего. Немецкое хуже. Русское хуже всего.

Матерьялистов мне не тех нужно¹⁰. Я думаю, Спенсера. Читали ли вы его? И что его главное и полнейшее?

Об Анне Карениной ничего не пишу вам; и не буду писать. Если выйдет, вы верно прочтете.

Печатается по автографу, хранящемуся в ГТМ. На автографе помета рукою Страхова: «2 янв. 1876 г. Ясн.», подтверждаемая его письмом от 25 декабря 1875 г., на которое Толстой отвечает.

¹ Эти слова относятся, вероятно, к философской статье Толстого, озаглавленной «О душе и жизни ее вне известной и понятной нам жизни»; начав статью 25 декабря 1875 г., Толстой продолжал работу над ней 26 и 27 декабря. Затем статья была отдана в переписку. Эту копию Толстой и имел в виду послать Страхову. Однако, она не была тогда отослана, так как Толстой, по своему обыкновению, снова испестрил ее многочисленными поправками и дополнениями, и Страхову была позднее послана уже копия с этой новой, расширенной редакции (см. письмо к нему от 13—15 февраля, ПС, стр. 77). Статья напечатана в т. XVII Юбилейного издания.

² Страхов писал 25 декабря, в ответ на предыдущее письмо Толстого от 1—20 декабря: «Читал и перечитывал, могу сказать изучил ваше длинное и удивительное письмо, бесценный Лев Николаевич. Переписанный отрывок есть совершенство в своем роде по искренности, силе и простоте. И все остальное содержит в себе мысли, с которыми не могу не согласиться, притом часто выраженные с художественной меткостью. Если бы я писал, я сказал бы кажется то же самое, но в общем изложении я употребил бы другие термины. Общий метод науки, о котором вы говорите, есть анализ, разложение явлений на части и рассматривание каждой части отвлеченно. Каждая наука при этом претендует, что она ищет и синтез, что старается дойти до него. Но синтез в деле не происходит и все ограничивается без конца продолжением анализа. Отсюда то странное явление, что исследования наполняются, науки разрастаются, а истинного познания у человечества так же мало, как и прежде. Философия же неизбежно требует синтеза» (ПС, стр. 71).

³ Статья Толстого о спиритизме неизвестна; словом «готова» он, вероятно, хотел сказать, что статья эта продумана им и ему остается только написать ее. Страхов задумал в это время большую статью на модную в те годы тему о спиритизме, напечатанную лишь в 1876 г. (см. ниже письмо № 14, прим. 3-е).

⁴ Толстой имеет в виду статьи: Вагнер Н. П., Медумизм, — «Русский Вестник», 1875, № 10, стр. 806—951, и Бутлеров А. М., Медумические явления, — там же, № 11, стр. 300—348. Вагнер Николай Петрович (1829—1907), профессор Петербургского университета, зоолог и беллетрист, писавший под псевдонимом Кот-Мурлыка, автор многочисленных статей по спиритизму. Бутлеров Александр Михайлович (1828—1886), профессор Петербургского университета и член Академии наук, выдающийся химик и в то же время ярый спирит.

⁵ Вурст Раймонд-Якоб (1800—1875), крупный немецкий педагог, о котором Толстой упоминает в своей статье «О народном образовании» (1874) наряду с Песталлоцци и Дистервегом. Но здесь он, несомненно, в раздражении играет немецким значением слова «вурст» (колбаса) и понимает под ним русского немца — Н. П. Вагнера.

⁶ В упомянутой статье Н. П. Вагнера говорится о новоявленном материализованном призраке какой-то индианки и о сеансах медиума Горацио, в присутствии которого разбросанные по комнате музыкальные инструменты сами взлетали к потолку и начинали играть. О «стуках в столе» упоминает в своей статье А. М. Бутлеров.

⁷ См. письмо от 7 января 1876 г. (ПС, стр. 73—75).

⁸ «Мир, как целое».

⁹ Критик Аполлон Александрович Григорьев (1822—1864), говоря о творчестве Пушкина, делил его героев на «ложных и хищных» и «простых и смиренных». К первым он относил типы, выросшие на «иноземной почве» (байронические); типы же второй категории (выразителем их для А. А. Григорьева был Иван Петрович Белкин, от лица которого Пушкин ведет речь в своих повестях) выросли на «своей почве», были «голосом за простое и доброе, поднявшееся в душах против ложного и хищного».

¹⁰ Страхов советовал Толстому прочесть «Силу и материю» Бюхнера.

Пишу два словечка о делах, дорогой Николай Николаевич. Очень благодарю за книгу!¹ Юма пожалуйста пришлите. Да пожалуйста мне напоминайте о книгах. Я свои бросаю и имею привычку зачитывать чужие.

жие. На-днях видел у себя, перебирая библиотеку, ваши книги: Григорьева² и Education sentimentale³. Прислать их вам? О присылаемых книгах напишите, чьи они. Если мои, сколько я должен. Если вам не в труд спросить у книгопрод[авца], у кот[орого] Азбуки, и у...⁴ нет ли денег?

У меня А[нна] Каренина подвигается⁵. Не печатаю только потому, что не имею известий из Рус[ского] Вестн[ика].

Ваш Л. Толстой

Вы стали скупы на письма. Желаю вам успеха в работе⁶. Я рад, что вы печатаете не в газете. Отчего не в журнале, хоть Р[усском] В[естнике]?

Да если спросите у книгопр[одавцев] про Азбуки, спросите про брошюрку на Нар[одном] Об[разовании], продают ли ее.

Печатается по рукописной копии А. М. Хирьякова. Дата копии.

¹ Какую книгу прислал Страхов, выяснить не удалось; может быть, Спенсера, о котором просил Толстой в предыдущем письме.

² Речь идет, вероятно, о какой-нибудь книге знакомого Страхова, ориенталиста В. В. Григорьева. В ответном письме от 5 февраля Страхов писал: «Из прежних книг, если вам не нужен Григорьев (со всеми непристойностями, которые я, помню, вписал), то пришлите при случае» (ПС, стр. 76).

³ Флобера.

⁴ Пропущено в копии.

⁵ 28 января 1876 г. С. А. Толстая писала Т. А. Кузминской: «Левочка отдал в январскую книжку Русского Вестника продолжение своего романа и продолжает работать дальше» (ГТМ). «Продолжение романа» — это главы XI—XXVIII третьей части «Анны Карениной».

⁶ Страхов готовил к печати первый том Сочинений А. А. Григорьева, вышедший летом 1876 г.

7

[9 марта 1876 г., Ясная Поляна]

Получил давно-давно и нетерпеливо-нетерпеливо ожидаемое письмо¹ от вас, дорогой Николай Николаевич. Что-то вы не в своей тарелке и не спокойны духом. Неужели это семейные² дела друзей ваших вас так расстраивают? Вы не можете себе представить, как я желаю узнать ваше мнение о том, что я писал вам в последнем письме³, и с какой уверенностью в твердости своей позиции я ожидаю вас и желаю сильной атаки, чтобы доказалась моя твердость, вот и все. Будьте здоровы и деятельны.

Ваш Л. Толстой

Печатается по рукописной копии Е. Д. Хирьяковой. Дата копии.

¹ От 5 марта (см. ПС, стр. 78—80).

² В копии было сначала написано «семейные дела», а потом поправлено карандашом на «денежные», но первое чтение, повидимому, правильное, так как в упоминаемом письме Страхова от 5 марта он рассказывает как-раз о семейных злоключениях какого-то своего приятеля и ничего о денежных.

³ От 15 февраля (см. ПС, стр. 77—78); при этом письме Толстой послал свою статью «О душе и жизни ее вне известной и понятной нам жизни» (см. т. XVII Юбилейного издания). Ответное письмо Страхова от 20 марта напечатано в ПС, стр. 80.

8

[8 июня 1876 г., Ясная Поляна]

Дорогой Николай Николаевич.

Я позволил себе с вами большую вольность и прошу вас простить меня за нее. Я уверен, что, несмотря на грубый тон телеграммы¹, если вы только в Петербурге, вы выручили нашу англичанку Макарти. Куз-

минские², которые живут у нас, выписали эту англичанку и послали ей деньги и получили телеграмму из Петербурга, что ей недостало денег, и она просит прислать ей их в гостиницу А. Кейзер. В Петербурге из знакомых и родных никого не случилось, и я решился телеграфировать вам. Как она приедет, мы узнаем, сколько она взяла у вас денег, сейчас же вышлем вам. Очень благодарю вас.

Пришло лето прекрасное, и я люблюсь и гуляю и не могу понять, как я писал зимою.

Ваш Л. Толстой

Печатается по рукописной копии Е. Д. Хирьяковой. Дата копии.

¹ Телеграмма эта неизвестна.

² Семья сестры С. А. Толстой, Татьяны Андреевны, бывшей замужем за Александром Михайловичем Кузминским, в то время прокурором Кутаисского окружного суда.

9

[23 июня 1876 г., Ясная Поляна]

Вы не можете себе представить, дорогой Николай Николаевич, какая мне радость то, что вы приедете ко мне. Я так и ахнул от восхищенья, когда жена, прочевшая ваше письмо¹ прежде меня, веселым, но не восхищенным голосом объявила мне, что вы приедете². Я собираюсь на-днях за 3 часа езды в одно и другое место; и вероятно окончу эти поездки до 1 июля. Во всяком случае, если я уеду из дому, то так, что по телеграмме могу вернуться через 3 часа. Вы же, надеюсь, отделите из вашего отпуска на нашу долю недельку, но не менее уже 3-х дней. Не скажу, чтобы именно теперь мне было особенно много сказать вам, потому что у меня всегда есть целый мир мыслей, которые, я знаю, что понимаете только вы, и целый мир не вопросов, а предметов, на которых мне нужно знать ваш взгляд.

Пожалуйста телеграфируйте, чтобы я мог выслать за вами или выехать сам.

Здоровье жены летом порядочно, но не хорошо, это единственное, но большое мое горе.

Ваш Л. Толстой

Печатается по рукописной копии Е. Д. Хирьяковой. Дата копии.

¹ Письмо это неизвестно.

² Страхов летом 1876 г. дважды гостил в Ясной Поляне: в середине июля и в конце августа.

10

[31 июля 1876 г., Ясная Поляна]

Получил ваше письмо¹, дорогой Николай Николаевич, и не знаю, как лучше придумать. Лучше — значит то, чтобы как можно побольше побыть с вами. Затруднение в том, что я обещал Фету поехать к нему и с ним в Воронежскую губернию на завод² с 12-го по 16-е, т. е. я 17-го буду дома. В конце же августа, около 25-го, я поеду в Самару³ (все это, если бог даст. Боюсь и не люблю делать планы). Теперь вопрос — как вам удобнее: отдать мне ваше время с 6-го, положим, до 12-го, или с 17-го до 20-го числа. Другой вопрос в том: самим вам желательно ли ехать в Оптину пустынь⁴, или вам все равно. Мне хочется ехать, но я не огорчусь, если мы и не поедем. Итак, если вам хочется ехать в Оптину пустынь и время для вас удобнее до 12-го, то напишите или телеграфируйте в Ясенки (если по времени получения этого письма письмо ваше не успеет дойти), что вы будете в Черни⁵ с таким-то поездом, и я вам телеграммой отвечу, что и я буду, и мы

поедем в Оптину. Если вы не очень желаете ехать в Оптину и время до 12-го вам удобнее, то известите или, не извещая, приезжайте. Я буду дома. Если вам удобнее после 12-го, с Оптиной или без Оптиной, то напишите. Если же моя поездка к Фету совпадет именно с тем временем, которое вы хотели отдать мне, то напишите, и я не поеду к Фету, только чтобы мне не пропустить вас. Теперь мы скоро умрем, а на том свете неизвестно еще, в чем будут состоять наши отношения. Вы мне кратко, но так хорошо описали вашу жизнь⁶, что мне завидно стало.

Что бы вам вместо того, чтобы читать Анну Кар[енину], кончить ее и избавить меня от этого Дамоклова меча.

Я вчера попробовал заниматься и непременно хочу заставить себя работать.

Так до свидания. Жена благодарит за память и посылает вам поклон и просьбу приехать и погостить подольше.

Ваш Л. Толстой

Приехать в Чернь для поездки в Оптину удобнее всего рано утром или в ночь.

Печатается по рукописной копии Е. Д. Хирьяковой. Дата копии.

¹ Письмо это неизвестно.

² У брата Фета, Петра Афанасьевича Шеншина, был конский завод в Грайворонке.

³ В Самару Толстой уехал лишь около 3 сентября.

⁴ В Оптину Пустынь Толстой поехал впервые в 1877 г.

⁵ Уездный город Тульской губ.

⁶ Письмо Страхова неизвестно.

11

[27 сентября 1876 г., Ясная Поляна]

Пользуюсь вашим разрешением, дорогой Николай Николаевич, писать вам несколько строк. Я на-днях вернулся из Самары и Оренбурга— очень хороша была поездка, и нашел радостное как всегда мне ваше письмо¹. Вот я дней 5 дома и совершенно сплю; ничего не делаю (т. е. настоящего) и никуда не тянет. — Дома у меня очень хорошо. Жена здорова и весела и мы одни с детьми. Письмо это только должно вам дать знать, что я дома, благополучен и вас все по-старому люблю; а когда проснусь, то знаю, что буду писать вам длинно.

Л. Толстой

Печатается по рукописной копии Е. Д. Хирьяковой. Дата копии.

¹ В письме этом, от 12 сентября, Страхов писал: «К вам первому пишу из Петербурга, бесценный Лев Николаевич, откладывая так называемые дела. Об вас я конечно больше всего думал и к вам мысленно обращался непрерывно, но не сумею так хорошо и много написать, как я думал. Не счастье ли, не величайшее ли счастье знать такого человека, как вы, и побывать в таком уголке земли, как Ясная Поляна? Вы создали вокруг себя этот чудесный мир, такой цельный и стройный, и в нем господствует ваш дух, простой, высокий и чистый. Напряжение вашей духовной жизни постоянно меня изумляет, с первого нашего знакомства (до знакомства я думал о вас ниже, а теперь стараюсь внушать всем, и дуракам и умникам, что не встречал никого, кто бы так работал головою, как вы). В Ясной Поляне возможны всякие человеческие бедствия, кроме одного — невозможна скука, потому что центр этого мира — человек, непрерывно растущий душою. И смысл этой жизни я не могу иначе назвать как святостью.— это культ чистоты, простоты, добросовестнейшее и непринужденнейшее служение высшим целям человека. Нет, это нечто удивительное! У вас могут быть недостатки и слабости, но они не имеют значения в вашей жизни; то, чем эта жизнь определяется, высоко и безукоризненно. Все время у вас я чувствовал себя, как влюбленный, и зато как же я заскучал потом, особенно в Петербурге» (ПС, стр. 84—85).

[6 декабря 1876 г., Ясная Поляна]

Чтобы быть совершенным эгоистом, буду звать вас на Рождество и новый год¹. Жена велела передать вам это. Нет, право, нельзя ли так, пожалуйста пробудьте подольше, ежели уже нельзя иначе, то, опять по эгоизму своему, зову к новому году. Вашу бочку меда мне не испортит ложка Голохвастовых², а их я легче перенесу.

Вы не поверите, как мы оба с женой радуемся вашему приезду. Я слава богу работаю уже несколько времени и потому спокоен духом³.

Печатается по рукописной копии Е. Д. Хирьяковой. Дата копии.

Л. Н. ТОЛСТОЙ НА КАТКЕ В САДУ ХАМОВНИЧЕСКОГО ДОМА

Фотография 1898 г.

Толстовский музей, Москва

¹ Страхов приехал в Ясную Поляну к 25 декабря и уехал оттуда 2 января.

² Голохвастов Павел Дмитриевич (1838—1892), писатель и общественный деятель (см. выше письмо Толстого к нему, стр. 148). О пребывании Голохвастовых в Ясной Поляне см. письмо № 13, прим. 2-е.

³ 9 декабря 1876 г. С. А. Толстая писала Т. А. Кузминской: «Анну Каренину мы пишем наконец-то по-настоящему, т. е. не прерываясь. Левочка оживленный и сосредоточенный, всякий день прибавляет по новой главе. Я усиленно переписываю, и теперь даже под этим письмом лежат готовые листки новой главы, которую он вчера написал. Катков телеграфировал 3-ьего дня, умоляя прислать несколько глав для декабрьской книжки, и Левочка сам повезет на-днях свой роман в Москву» (ГТМ).

[12 января 1877 г., Ясная Поляна]

Дорогой Николай Николаевич.

Я просил жену написать вам¹, что буду писать, когда буду в состоянии духа, достойном вас; но так и не дождался. А писать хочется, хоть только для того, чтобы высказать вам всю ту благодарность и ра-

дость, которую я чувствую за ваше расположение к нам. Вы не жена-тый человек и потому не знаете того приятного чувства мужа, когда, любя человека, он чувствует, что не один, а со всей семьей любит, и я говорю вам с особенным удовольствием: мы вас благодарим за время, которое вы провели у нас, мы вас любим.

Голохвастовский кошмар только теперь начинает отпускать нас². Я еще не могу войти в состояние веселой работы, как было до них. Но кажется скоро придет и, если ничто не помешает, кончу, надеюсь, в один период работы и опростаю место для новой работы³, которая все более и более просится.

Очень благодарю вас за хлопоты у Боткина. Надеюсь, что вы поведаете жену в Петербурге.

В декабрь[ской] книжке⁴ есть ошибки, но не очень грубые. Вы знаете нашу братью писателей и знали, как порадует меня ваше одобри-тельное письмо, главное, как оно ободрило меня.

Печатается по рукописной копии Е. Д. Хирьяковой. Дата копии.

Ответ на два письма Н. Н. Страхова: от 3 января 1877 г. и на какое-то другое, нам неизвестное, написанное вскоре после первого и содержавшее сведения о его «хлопо-гах у Боткина».

¹ С. А. Толстая просила Н. Н. Страхова в письме от 9 января 1877 г. записать ее на прием к доктору С. П. Боткину.

² С. А. Толстая пишет Т. А. Кузминской 4 января 1877 г.: «Были на праздниках: сначала Страхов и Софеш, а с 28—Голохвастовы, Степа, Костя и Николенька... На третий день Голохвастова читала свою историческую драму «Две невесты», и с моей точки зрения недурно, но Страхов и Левочка не одобряют и старательно искали выражений, чтобы не солгать и вместе с тем сказать что-нибудь приятное... Наконец присутствие Голохвастовых сделалось всем тяжело и когда они нам намекнули на отъезд, мы их и не удерживали, что вышло немного неловко и негостеприимно. Она все такая же кокетка во всех своих рассчитанных движениях, позах, туалетах и проч. Когда они уехали, воз-дух стал легкий, мы делали, что хотели» (ГТМ).

³ По окончании «Анны Карениной» Толстой вернулся к замыслам начатых им раньше, но представших теперь совсем в новом виде «народных» романов из эпохи XVIII—XIX вв. (см. т. XVII Юбилейного издания).

⁴ В декабрьской книжке «Русского Вестника» за 1876 г. были напечатаны главы XX—XXIX пятой части «Анны Карениной».

Дорогой Николай Николаевич, очень благодарен вам за известие о жене и за ваши заботы о ней. Я очень доволен. Боткин не нашел в ее состоянии ничего опасного; а я, должен признаться, уже пережил в во-ображении такие ужасы. Она приехала веселая, оживленная и с такими хорошими вестями.

Успех последнего отрывка А[нны] К[арениной]¹ тоже, признаюсь, по-радовал меня. Я никак этого не ждал и право удивляюсь и тому, что та-кое обыкновенное и ничтожное нравится, и еще больше тому, что, убе-дившись, что такое ничтожное нравится, я не начинаю писать с плеча, что попало, а делаю какой-то мне самому по чти непонятный выбор.— Это я пишу искренно, потому что вам, и тем более, что, послав на ян-варскую книжку корректуры, я запнулся на февральской книжке и мыс-ленно еще только выбираюсь из этого запнутия. Тургенева я не читал², но истинно жалею, судя по всему, что слышу, что этот ключ чистой и прекрасной воды засорился такой дрянью. Если бы он просто вспомнил какой-нибудь свой день подробно и описал бы его, все бы пришли в восхищение.

Как ни пошло это говорить, но во всем, в жизни и, в особенности, в искусстве, нужно только одно отрицательное качество — не лгать.

В жизни ложь гадка, но не уничтожает жизнь, она замазывает ее гадостью, но под ней все-таки правда жизни, потому что чего-нибудь всегда кому-нибудь хочется, отчего-нибудь больно или радостно, но в искусстве ложь уничтожает всю связь между явлениями, порошком все рассыпается.

Что вы делаете? т. е. пишете? Пришлите же мне свои статьи Гражданина³. Дай вам бог досуга и желанья.

Я давно не был так равнодушен к философским вопросам, как нынешний год, и лышу себя надеждой, что это хорошо для меня. Очень хочется поскорее кончить и начать новое⁴.

Прощайте, жена вам кланяется.

Ваш Л. Толстой

Печатается по рукописной копии Е. Д. Хирьяковой. Дата копии. Отрывок (абзацы 2-й и 3-й) был опубликован П. И. Бирюковым в его биографии Толстого (т. II, стр. 215—216).

Ответ на письмо Страхова от 16 января, в котором он сообщал о переговорах с С. П. Боткиным относительно приема им С. А. Толстой.

¹ Страхов писал в том же письме: «Что касается до Анны Карениной, то должен сообщить вам, что здесь—общий восторг. Я все раздумывал, не подкуплен ли я своим хорошим расположением духа и любовью к вам; но слышу со всех сторон, что мое впечатление — необычайной свежести и силы этого отрывка — повторяется у всех. Стасов говорит, что не одобряет содержания романа, но что тут сила изображения, скульптурность, как он выражается, такова, что Тургенев в подметки не годится. Н. Я. Данилевский расплакался, читая, — и потом взял назад свои порицания, любитесь фигурой Алексея Александровича и говорит, что детей вы изображаете лучше Диккенса. В. В. Григорьев в восхищении. Даже передовые педагоги находят, что в изображении Сережи заключаются важные указания для теории воспитания и обучения» (ПС, стр. 99). Речь идет о главах XX—XXIV пятой части «Анны Карениной», напечатанных в декабрьской книжке «Русского Вестника» за 1876 г. Д а н и л е в с к и й Николай Яковлевич (1822—1885), бывший петрашевец, приятель Страхова, автор книг «Россия и Европа» (СПб., 1871) и «Дарвинизм» (СПб., 1885). Григорьев Василий Васильевич (1816—1881), ориенталист, профессор Петербургского университета, с 1874 г.—начальник Главного управления по делам печати.

² Появившееся в № 1 «Вестника Европы» 1877 г. начало тургеневской «Нови» вызвало тогда горячие споры. Отрицательно относившийся к ней Страхов писал 16 января: «Наоборот, Новь шлепнулась самым жестоким образом. Так бранят, что даже Достоевский защищает, а не подбавляет брани. Предмет тот же, что в Бесах — Нечаевское дело. Исполнение ниже всякой критики — насильственный рассказ, не оживленный интересом к тому, ради чего писан, т. е. к революционерам. Длинно, вяло — как никогда не писывал Тургенев» (ПС, стр. 99—100).

³ В №№ 41—42, 43 и 44 «Гражданина» за 1876 г. была напечатана большая статья Страхова «Три письма о спиритизме», вошедшая впоследствии в его книгу «О вечных истинах (Мой спор со спиритизмом)», СПб., 1887. В этой статье Страхов доказывает несостоятельность спиритических теорий, подкапывающихся под основные законы механики и физики, неизбежность которых поконится, по мнению Страхова, на их априорном, логическом происхождении. Страхов послал Толстому при письме от 29 января отгиск этой статьи, не сохранившийся в яснополянской библиотеке (см. письмо № 15).

⁴ См. выше письмо № 13, прим. 3-е.

Получил ваше письмецо, дорогой Николай Николаевич, со статьей о спиритизме и сейчас же отвечаю. Вы верно никак не ожидали того действия, которое произвело на меня ее чтение, я вслух смеялся. Эксперименты эти чудесны¹. Статья вся очень завлекла меня и для меня она очень интересна². Она для меня предисловие вашей в высшей степени важной будущей работы, кот[орую] я яснее понял из статьи. Но статья эта слишком много содержит и потому, как статья, не хороша. Как вы с своей точностью и ясностью могли сделать такую ошибку? Не договорив (для публики, для меня понятно) о том, почему нельзя верить экспериментам и фактам, вы увлеклись другой огромной важности мыслью

о том, как приемы естествоиспытателей и математическое знание ничего не дают, а вы вовсе не это хотели доказать, а то, что эти присымы законны, и из них нельзя выступить. Вы это и доказали, но увлеклись другой мыслью и от богатства затемнили. Я вижу в этой статье этюд, наброски из того сочинения, к[оторое] вы напишете, но для статьи о спиритизме вы сделали то, чем мне часто случается грешить: от желания сказать слишком многое ослабляешь то, что хотел сказать. Это мне особенно весело найти в вас. А вы говорите иногда в минуты уныния, что вам нечего писать, что вы ничего не можете дать. А вы так переполнены новым совершенно содержанием мысли, что оно против воли вашей прорывается. Я эту черту с радостью заметил в вас во время наших бесед на святках. В вас происходит внутренняя работа, определенная, сосредоточившаяся уже. Как это дурно, что вы не работаете³.

Поверите ли, я нынче (я уже неделю не могу работать) говорю жене, как дурно, что Страхов не пишет, а вместе с тем это меня утешает. Если он не пишет, и мне простительно.

Ваш Л. Толстой

Печатается по рукописной копии А. М. Хирьякова. Дата копии.

¹ Фиктивные эксперименты, приводимые Страховым в его «Третьем письме о спиритизме» и пародирующие явления, производимые спиритами на их сеансах (см. «Гражданин», 1876, № 44, стр. 1056—1057).

² См. выше письмо № 5, прим. 3-е.

³ В письме от 29 января Страхов писал: «До сих пор я еще не принимался за работу — совестно признаться вам и перед собою» (ПС, стр. 100).

16

[6 марта 1877 г., Ясная Поляна]

Не сердитесь на меня, дорогой Николай Николаевич, что так долго не писал вам и не благодарил за присылку денег¹. Я очень был и есмь занят, но хуже всего то, что при этом с нынешнего года (содействовал этому ушиб головы об дерево при ходьбе на лыжах) у меня стали делаться приливы к голове, мешающие мне работать². А писать очень хочется, и сколько есть сил пишу³. Я рад только с одной стороны, что вы давно мне не пишете — верно работаете. Дай бог. Еще маленькая просьба: Николай Александрович Соколов, кончивший курс в Педагогическом Институте и имевший частную гимназию в Петербурге, теперь поступил в Тульскую семинарию профессором физики и математики и предлагает себя в директоры моей предполагаемой семинарии. Что он за человек, как характер? Если его знают ваши знакомые, то разузнайте, пожалуйста, и напишите мне⁴. Всегда по-старому люблю вас.

Ваш Л. Толстой

Печатается по машинописной копии, хранящейся в архиве В. Г. Черткова. Отрывок (со слов «Еще маленькая просьба...») был опубликован П. И. Бирюковым (т. II, стр. 168).

¹ При письме от 8 февраля Страхов переслал Толстому 80 руб. по счетам книгопродавца за продажу «Азбуки» и «Русских книг для чтения» (ПС, стр. 105).

² С. А. Толстая так описывает этот случай в письме к Т. А. Кузминской от 25 февраля 1877 г.: «Левочка ходил на лыжах и тоже упал и ударился головой о дерево, и удар был настолько силен, что он ошалел и была шишка на одном месте и шрам на другом. С тех пор у него все болит голова и приливы очень сильные, и меня очень беспокоит его состояние. Может это и не от ушиба, а от усиленного писанья, и даже просто нервно, но я его упростила ехать к Захарьину и он поехал и обещал серьезно заняться своим здоровьем» (ГТМ).

³ Толстой работал в это время над восьмой частью (эпилогом) «Анны Карениной» и над корректурами мартовской книжки «Русского Вестника» (главы I—XV седьмой части).

⁴ Толстой был в 1877 г. увлечен проектом устройства в Ясной Поляне учительской семинарии, в которой должны были получать подготовку к учительской деятельности наиболее способные ученики народных школ. Толстой хотел, чтобы учителя, вышедшие из крестьянской среды, не были оторваны от этой среды и продолжали жить той же крестьянской жизнью, как и их ученики. «Пускай это будет университет в лаптях», — говорил он. Проект этот не был осуществлен.

17

[24 марта 1877 г., Ясная Поляна]

Не пеняйте на меня, дорогой Николай Николаевич, что мало и редко пишу вам, и не наказывайте меня за то редкостью ваших писем. Для меня такая радость всегда ваши письма и особенно теперь, когда в каждом жду и нахожу суждение, и всегда слишком пристрастное к моему писанью¹, которое все больше и больше занимает меня. Теперь я могу сказать, что кончил, и в апреле надеюсь напечатать последнее² и очень жду и прошу вашего суда.

Я не получил еще вашего вероятно письма с деньгами³, объявление завтра посыла[ем]⁴. Порадуйте меня известием, что вы работаете над философской работой⁵. Мне интересно, сойдется ли вы с Соловьевым. Он хороший. А редакция Русск[ого] Вестн[ика], и всегда мне противная, теперь окончательно опротивела за вас и я с ними в холодеющих отношениях. — Жду лета и вас и поездки в Оптину Пустынь.

Любящий искренно Л. Толстой

Печатается по рукописной копии Е. Д. Хирьяковой. Дата копии.

¹ В последнем письме своем от 16 марта 1877 г., рассказав о Я. П. Полонском, который «теперь пишет множество и стихами и прозой, — и все плохо, хотя на всем — следы его милого таланта», Страхов добавляет: «Я вспоминаю ваш труд, тот труд, о размерах которого не могут и понятия иметь петербургские писатели. Меня берет ужасная досада, когда они, даже рассыпаясь в похвалах, приписывают вам — бессвязность, капризность, эпизодичность и другие подобные легкие свойства. Ветренность и легковесность этих солидных ценителей выступает при этом для меня с ужасною силою. Кстати — вам досталось за выборы; как они чутки и обидчивы — удвительно!» (ПС, стр. 109).

² В апрельской книжке «Русского Вестника», вышедшей 2 мая, были напечатаны главы XVI—XXX седьмой части «Анны Карениной», а в майской должна была быть напечатана восьмая, последняя, часть — эпилог.

³ В том же письме Страхов извещал Толстого, что посылает ему деньги (78 руб. 78 коп.) по книгопродавческим счетам за «Азбуку» и «Книги для чтения».

⁴ Т. е. почтовую повестку на денежное письмо.

⁵ После своих «Трех писем о спиритизме» (см. выше письмо № 14, прим. 3-е) Страхов задумывал большую теоретическую работу, осуществленную позднее в его книге «Об основных понятиях психологии и физиологии», СПб., 1886.

18

[22 мая 1877 г., Ясная Поляна]

Нынче получил ваше второе неотвеченное письмо¹ и устыдился. — Я мешкал писать вам и потому, что был очень занят писанием, и, главное, потому, что не хотелось ничего говорить вам, пока вы не прочтете последнюю часть. Она набрана давно и два раза уже была мною поправлена, и на-днях мне ее пришлют опять для окончательного просмотра. Но я боюсь, что она все-таки не выйдет скоро. И об этом хочу с вами посоветоваться и просить вашей помощи.

Оказывается, что Катков не разделяет моих взглядов, что и не может быть иначе, так как я осуждаю именно таких людей, как он, и, мямля, учтиво просит смягчить то, выпустить это. Ужасно мне надоело и я уже заявил им, что если они не напечатают в таком виде, как я хочу,

то вовсе не напечатаю у них, и так и сделаю; но хотя и удобнее всего было бы напечатать брошюрой и продавать отдельно, неудобство в том, что надо пропустить сквозь цензуру. Как вы посоветуете — отдельно с цензурой, или в какой-нибудь бесцензурный журнал — Вестник Европы, Нива, Странник, мне все равно, только бы хотелось, чтоб напечатать как можно скорее и не разговаривать про смягчение и выпущение.

Пожалуйста, посоветуйте и помогите. Может быть, я еще улажусь с Катковым. Но очень хотелось бы знать, что делать в случае несогласия? ². Тысяча ничтожных предметов разговора с вами и один столь важный, что все другие ничтожны, но ни одного не хочется затевать — жду и надеюсь вас скоро и надолго увидеть. Вы говорите — когда? Чем скорее, тем лучше. Чем дольше пробудете, тем лучше. В начале лета лучше, потому что нет охоты и я никуда не уеду.

Печатается по рукописной копии Е. Д. Хирьяковой. Дата копии. Первая часть письма (до слов: «Тысяча ничтожных предметов») была опубликована П. И. Бирюковым (т. II, стр. 208—209, с пропусками и ошибками).

¹ Точнее говоря, даже не второе, а третье письмо. Первое было от 21 апреля, которое разошлось с письмом Толстого от 22 апреля, второе от 7 мая и третье от 18 мая (см. ПС, стр. 112—117). В последнем Страхов писал по поводу выхода в апрельской книжке «Русского Вестника» последних глав седьмой части «Анны Карениной»: «О выходе каждой части Карениной в газетах извещают так же поспешно и толкуют так же усердно, как о новой битве или новом изречении Бисмарка... Я знаю одно: совершилось великое событие в [русской] литературе, явилось новое великое произведение; дайте мне год-два — я может быть рассмотрю частные черты этого явления» (ПС, стр. 117).

² Страхов отвечал 26 мая: «Самый прямой выход такой: печатать конец без цензуры; для этого нужно, чтобы книжка содержала в себе 10 печатных листов, то есть 160 страниц. Для величины страниц определен минимум, очень льготный, на странице должно помещаться около 1400 букв, т. е. она должна составлять $\frac{2}{3}$ страницы Русского Вестника, на которой помещается 2100 и больше. В каждой типографии минимум этот известен очень хорошо. Итак, если вы велите набрать в этом формате ваш конец, и если нужно, спереди прихватите часть того, что уже напечатано, то можете выпустить вашу книжку без цензуры. Пустите ее по рублю — и пойдет отлично. Если вам угодно, я приеду в Москву, или тут напечатаю мигот. Мне только что сию минуту пришла эта мысль, бесценный Лев Николаевич, и я сам ей очень обрадовался. Вчера получил ваше письмо и вот до сих пор не мог догадаться, как это сделать. С журналами связываться — гораздо дольше и не стоит мартыся» (ПС, стр. 118—119).

Получил ваше письмо ¹, дорогой Николай Николаевич, при отъезде из деревни в Москву, чтобы выручить свое писанье ², которое они не печатают и не возвращают назад, продолжая мямлить. Очень благодарен вам за совет и за предлагаемую помощь. Я следую совету и, выручив писание, отдаю печатать Рису в Москве. Он обещает, что в неделю будет готово ³. Помощь же вашу мне ужасно хочется, но не знаю, как быть. Сейчас приедет ко мне Рис взять оригинал, и я спрошу его, не задержит ли его послать вам корректуры. Кроме того это зависит от того, когда вы выезжаете из Петербурга и поедете к нам. О вашем приезде я только одно повторяю и словами, и умом, и сердцем: поскорее и подольше. Никогда да не приходит вам мысль, что в моих и жениных словах о том, как ваше пребывание у нас нам радостно, есть хоть малая доля условности. Про себя одного я и не говорю. Одно в доказательство искренности скажу — что не желал бы при вас оканчивать работу. — А окончу я ее в два-три дня, т. е. велите присылать за собой в Тулу или Козловку 3-го июня. То есть, по правде — мне хочется и то, чтобы вы прочли в корректуре эпилог не у меня и выкидывали и поправляли все, что найдете нужным, и приехали бы к нам как можно скорее ⁴. Я ночь не спал

и злился и голова не свежа, и потому письмо бестолково, но надеюсь, вы меня поймете и простите.

Печатается по рукописной копии Е. Д. Хирьяковой. Дата копии.

¹ От 26 мая (см. выше письмо № 18, прим. 2-е).

² Восьмую часть (эпизод) «Анны Карениной».

³ Эпизод «Анны Карениной» был напечатан отдельной книжкой в Москве, в типографии Риса. Текст занял 127 страниц, так что потребовалось цензурное разрешение. Оно помечено: «Москва, 25 июня 1877». На стр. 3 напечатана следующая заметка: «Последняя часть «Анны Карениной» выходит отдельным изданием, а не в «Русском Вестнике», потому что редакция этого журнала не пожелала напечатать эту часть без некоторых исключений, на которые автор не согласился».

⁴ Мы не знаем точно, когда Страхов приехал в Ясную Поляну; 10 июня он был уже там.

. . . 20

[2 июня 1877 г., Ясная Поляна]

Я вам, бог знает, что написал из Москвы¹, дорогой Николай Николаевич, и теперь меня мучает за то совесть. Ради бога, забудьте все, что я вам писал — я был совсем не в своей тарелке.

Я просил и приехать к 3-му и выражал желание, чтобы вы поправили мои корректуры в Петербурге, и так и распорядился, чтобы из типографии послали корректуры к вам в Публичную библиотеку. Прошу вас все это забыть и приехать к нам, как можно скорее. Может быть, вы бы уже завтра приезжали к нам, если бы я не написал вам из Москвы. Я этого не могу себе простить.

Так пожалуйста простите мне это глупое письмо и приезжайте поскорей к нам. Все мы ждем вас с сердечной радостью.

Ваш Л. Толстой

Печатается по рукописной копии Е. Д. Хирьяковой. Дата копии.

¹ См. предыдущее письмо.

. . . 21

[10 июля 1877 г., Ясная Поляна]

Я совсем заматался без вас¹, дорогой Николай Николаевич. Приезжайте поскорее. Надеюсь, что вы приедете нынче или завтра, не дожидаясь получения моего письма. Мои похождения без вас следующие: был я на неприятной для меня свадьбе², потом, вернувшись, застал гостей, сходил на охоту и играл в крокет и принимал гостей и, несмотря на все это, успевал перечитывать и переделывать Каренину³ — так что дня через три надеюсь кончить. Вчера был у меня Рис, привез последнюю часть. Есть ошибки, но издание хорошенькое. Мне кажется, что ваш хозяин⁴ хотел иметь, и потому посылаю вам. На-днях мне придется ехать в Москву⁵ по делам печатания. Но я поеду только на один день. — В Оптину пустынь я не раздумал ехать; но главное, приезжайте к нам поскорей. Все наши скучают по вас. О себе уже не говорю. Когда вас нет, все кажется, зачем я так мало вами пользуюсь.

Хоть и совестно лишать вас вашего хозяина, но вы мне обещали и мы ждем вас.

Искренно любящий вас Л. Толстой

Я надеялся получить от вас письмо, но боюсь, не пропало ли с козловским адресом.

Печатается по рукописной копии Е. Д. Хирьяковой. Дата копии.

¹ Страхов приехал в Ясную Поляну в начале июня; 29 июня он ездил вместе с Толстым к Фету, а оттуда проехал к каким-то своим друзьям, обещав вскоре вернуться в Ясную.

² Свадьба Д. А. Дьякова, женившегося на С. Р. Войткевич, гувернантке своей дочери.

³ Сдав в печать отдельным изданием (в типографию Риса) эпилог «Анны Карениной», Толстой приступил к пересмотру и редактированию всего романа для отдельного издания, которое вышло в трех томах в 1878 г.

⁴ Под «хозяином» Страхова надо, вероятно, разуметь его приятеля, писателя Дмитрия Ивановича Стахеева, автора многочисленных романов, повестей, рассказов и стихотворений, редактора (1875—1877) журнала «Нива». Страхов жил с ним на одной квартире.

⁵ Толстой ездил в Москву около 11—13 июля.

[9 августа 1877 г., Ясная Поляна]

Дорогой Николай Николаевич, хотел написать вам почти тотчас после вашего отъезда¹, но до сих пор не успел. Ездил на охоту и к брату и завтра опять еду на охоту в даль за волками. Желал бы, чтобы вы о нас также часто и хорошо вспоминали, как мы и особенно я.

Мне ужасно было грустно, что я в ту ночь, как вы уезжали, опять кашлял и потому проспал. Пришел 10 минут после того, как вы уехали. У нас теперь только своя семья — один Степа² — и я хотел бы начать свое дело³, но не могу от волнения. И в дурном и хорошем расположении духа мысль о войне застигает для меня все. Не война самая, но вопрос о нашей несостоятельности, который вот-вот должен решиться, и о причинах этой несостоятельности, которые мне все становятся яснее и яснее.

Нынче Степа разговаривал с Сергеем⁴ о войне, и Сергей сказал, 1) что на войне хорошо молодым солдатам попользоваться насчет турчанок. И когда Степа сказал, что это нехорошо, он сказал: да что ж, ведь ей ничего не убудет. Чорт с ней. — Это говорит тот Сергей, который сочувствовал сербам и которого приводят в доказательство народного сочувствия, а задушевная мысль его о войне только турчанка, т. е. разнужданность животных инстинктов. 2) Когда Степа рассказывал, что дела идут плохо⁵, он сказал, что ж не возьмут Михаила Григорьевича Черныяева⁶ (он знает имя и отчество), он бы их размайорил. Турчанка и слепое доверие к имени, новому народному. Мне кажется, что мы находимся на краю большого переворота.

Пишите мне пожалуйста о том, что делается и говорится в Петербурге.

Нет ли книги, в которой бы можно было найти описание нынешнего царствования? Или нельзя ли где достать газеты за эти 20 лет? Дорого ли это стоит? Или нет ли журнала, в кот[ором] бы были обзоры внутренней политики? Если есть что-нибудь такое, по чем можно бы проследить внутреннюю политику (историю) действия правительства и настроения общества за эти 20 лет, то научите меня и даже пришлите⁷.

Как вы вступили в свою жизнь? вступаете ли? взялись ли за работу? Прощайте, пишите почаще. Все наши шлют свои поклоны и обнимаю вас от всей души.

Л. Толстой

Сейчас получил ваше письмо⁸ и письмо на ваше имя, которое посылаю.

Очень сочувствую тому неприятному чувству, которое вы испытывали на петербургской станции⁹. Сколько раз испытывал это чувство. Если бы научиться у отца Пимена¹⁰ любви и спокойствию. А мне тоже

очень нужно этого крепкого спокойствия, чтобы не судить и не злиться. А то все волнует, даже неизвестная еще мне статья Русского вестника¹¹.— Нынешняя почта хотя и ничего не принесла нового, однако успокоила меня. В особенности взгляд французов в *Revue des deux mondes*¹². Видно, что неудачи кончились и скрывать больше нечего. Хороша там статья о деятельности Черкасского¹³, специалиста по части отнятия собственности мною законными путями. Разве это не палачество! Встарину был один Макиавель. Теперь, с легкой руки Бисмарка¹⁴, несправедливость, зло считается самым обычным политическим приемом. Как не желать заснуть так же спокойно и сладко, как о[тец] Пимен, при этом безумном и жестоком разговоре? Фет прислал письмо с прелестным любовным стихотворением¹⁵. Спишу и пришлю вам в следующем письме¹⁶.

Ваш. Л. Толстой

Печатается по рукописной копии Е. Д. Хирьяковой. Дата копии. Небольшой отрывок (со слов: «И в дурном и хорошем расположении духа» и кончая словами: «что делается и говорится в Петербурге») опубликован П. И. Бирюковым (т. II, стр. 259—260).

¹ Страхов уехал из Ясной Поляны в первых числах августа; 6 августа он уже писал из Петербурга (см. ПС, стр. 122—124).

² Берс Степан Андреевич, брат С. А. Толстой.

³ Закончив в июле подготовку «Анны Карениной», Толстой не сразу перешел к новой художественной работе — к роману из эпохи XVIII в. и к «Декабристам». Под впечатлением неудач русско-турецкой войны, напоминавших ему неудачи Севастопольской кампании, он начал писать статью о царствовании Александра II (см. т. XVII Юбилейного издания), но не докончил ее и перешел к работам религиозного характера (см. там же).

⁴ Арбузов Сергей Петрович, слуга Толстого.

⁵ Толстой, вероятно, имеет в виду неудачные попытки взять штурмом осажденную нами турецкую крепость Плевну, в частности, штурм 18 июля, стоивший громадных потерь. См. Газенкамф М., Мой дневник 1877—78 гг., СПб., 1908, стр. 69—70, и Скалон Д. А., Мои воспоминания (1877—1878), ч. I, СПб., 1913, стр. 231—234.

⁶ Черняев Михаил Григорьевич (1828—1898), генерал, участник Крымской кампании 1855—1856 гг. и военных действий на Кавказе; завоеватель Ташкента. Во время движения в Сербию против Турции в 1876 г. он принял на себя, по предложению сербского короля Милана, но вопреки желанию русского правительства, главное командование над сербской армией. Когда разразилась русско-турецкая война, он не получил никакого назначения и остался не у дел.

⁷ См. ниже письмо № 24, прим. 8-е.

⁸ От 6 августа (см. ПС, стр. 122—124).

⁹ Страхов рассказывал в упомянутом письме о путанице с вещами, произошедшей у него при переезде с Курского вокзала на Николаевский. Встречавший его типограф Рис вылезал устроить это дело. «В нетерпении я вышел навстречу Рису,— продолжает Страхов,— и стою возле подъезда. Новая беда! Вижу, едет Катков с кем-то на станцию. Только что я его заметил, как он вышел из экипажа. Я сделал вид, что не замечаю его. Он прошел как будто нарочно поближе ко мне, но тоже не признал меня. Теперь я соображаю, что они должны быть провожали нашего министра, как оказалось, приехавшего с этим поездом. Но министра я не узнал — я видел его всего раз — в креслах, без шляпы. Признаюсь, эта встреча очень была мне неприятна. Глупо прикидываться незнающим, но задача — разговаривать с ним—показалась мне такою трудною, что я до сих пор радуюсь быстроте, с которою я принял решение не видеть» (ПС, стр. 122—123).

¹⁰ Пимен, монах в Оптиной Пустыни, присутствовавший при беседе Толстого с настоятелем монастыря, архимандритом Ювеналием Половцевым, бывшим когда-то гвардейским офицером.

¹¹ В июльской книжке «Русского Вестника» за 1877 г. Катков поместил тенденциозное изложение вышедшего отдельно эпилога «Анны Карениной» под заглавием: «Что случилось по смерти Анны Карениной». Оправдываясь перед читателями в своем отказе напечатать этот эпилог, он пишет: «Роман остался без конца и при «восьмой», «последней» части. Идея целого не выработалась. Для чего, всякий может спросить, так широко, так ярко, с такими подробностями выведена перед читателями судьба злополучной женщины, именем которой роман назван? Судьба эта остается мастерски рассказанным случаем очень обыкновенного свойства и послужила только нитью, на которую нанизаны прекрасные характеристики и эпизоды. Но если произведение недо-

работалось, если естественного разрешения не явилось, то лучше, кажется, было превратить роман на смерти героини, чем заключить его толками о добровольцах, которые ничем не повинны в событиях романа. Текла плавно широкая река, но в море не впадала, а потерялась в песках. Лучше было заранее сойти на берег, чем выплыть на отмель» (стр. 462).

¹² Толстой имеет в виду обзоры военных действий, печатавшиеся в «Revue des deux mondes», в отделе «Chronique de la quinzaine», и, конечно, сильно отличавшиеся от тех официальных сведений, которые он мог читать в русских подцензурных газетах.

¹³ Черкасский Владимир Александрович, князь (1821—1878), общественный и политический деятель славянофильского направления, участник крестьянской реформы 60-х годов. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. он был назначен заведующим гражданской частью на территориях, занятых русскими войсками. Толстой имеет в виду статью G. Valbert'a в «Revue des deux mondes», 1877, № 8, от 1 августа, стр. 695—706, под заглавием «Le nouveau droit des gens et la mission du prince Tcherkassky», в которой автор резко нападал на Черкасского за проводимую им в Болгарии руссофильскую политику; в частности, он обвинял его в конфискации имущества мусульманского духовенства и в попытке расслоения болгар путем нового распределения земельных имуществ, имевшего целью передачу земель мусульман и богатых христиан, державших руку турок, болгарскому крестьянству, настроенному против турецкого владычества.

¹⁴ Бисмарк Отто (1815—1898), германский государственный деятель, в 1877 г. — канцлер и министр-президент. Политика Бисмарка по отношению к восточному вопросу в эти годы состояла в том, чтобы втянуть Россию в войну с Турцией и не допустить до мирного разрешения существовавших между ними разногласий.

¹⁵ Толстой имеет в виду стихотворение Фета «Опять» (Сила ночь. Луной был полон сад...), написанное им 2 августа 1877 г. и присланное в письме от 3 августа. Стихотворение это было вызвано воспоминанием о вечере, проведенном в 1866 г., вместе с Т. А. Кузминской. Вечер этот описан в ее воспоминаниях «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне», ч. III, М., 1926, стр. 108—111.

¹⁶ См. следующее письмо.

23

[16 августа 1877 г., Ясная Поляна]

Дорогой Николай Николаевич! Посылаю вам статьи Соловьева¹. Я начал читать их и не мог докончить. Не знаю, кто виноват, он или я, но мне стало невыносимо скучно от того, что стало очевидно, что занятие мое, чтение, самое из праздных праздное. Читал я тоже в июле 1-го *Revue des deux mondes* статью о Cournot — философе², вам будет очень интересно, сначала и по-моему очень хорошо о законах разума, выводимых из наук, я от вас слышал эту мысль в первый раз и был ею поражен. О случайности идет потом запутанно. Степа обещался списать мне стихотворение Фета³ и я вложу его. Мне очень, очень нравится.

Хотя мне и совестно говорить об этом, я все-таки не могу не написать о том, как я вам благодарен за вашу заботу об Анне Карениной⁴. Прочел я статью Русск[ого] Вестника и очень подосадовал на эту уверенность наглости в безнаказанности, на сознание своей ни перед чем не имеющей отступить наглости; но теперь успокоился. Нынче идет дождь, мы все дома и хочется писать и так радостно приближение работы.

В войне мы остановились на 3-м дне битвы на Шипке⁵, и я чувствую, что теперь решается или решена уже участь кампании, или первого ее периода. Господи помилуй. Обнимаю от всей души, пишите мне почаще. Я всякую минуту вспоминаю о вас.

Ваш Л. Толстой

Печатается по рукописной копии Е. Д. Хирьяковой. Дата копии.

¹ Речь идет о статье Вл. С. Соловьева «Философские начала цельного знания», о которой Страхов писал 26 мая: «Вл. Соловьев уехал в Москву. А знаете ли вы начало его сочинения, вышедшее в Журнале министерства и[ародного] пр[освещения]? Если нет, то я привезу его к вам; дело стоит внимания, и я уверен, что вы будете заинтересованы. Его главных мыслей я, впрочем, не знаю; он их скрывает от меня,

надеюсь, разумеется, лучше выразить и отстоять их на бумаге» (ПС, стр. 119—120). Статья эта была напечатана в «Журнале Министерства Народного Просвещения», 1877, №№ 3, 4, 6, 10 и 11.

² Курно Антуан-Огюст (1801—1877), французский математик и философ. Он первым применил метод математического анализа к экономическим явлениям. В разрешении философской проблемы о том, как возможно познание, он ввел понятие вероятности, которая, с его точки зрения, наиболее велика в науках математических, где достигает степени достоверности, и минимальна в исторических и философских; промежуточное место занимают естественные науки. Согласно разработанной им теории случая, он рассматривает последний не как факт без причины или меру нашего незнания, а как точку пересечения нескольких параллельно существующих и независимых друг от друга рядов причинностей; случай — это чистая фактичность, которую нельзя дедуктивно вывести из более простых элементов. Основные работы Курно: «Recherches sur les principes mathématiques de la théorie des richesses» (1838); «Essai sur les fondements de nos connaissances» (1851); «Exposition de la théorie des chances et des probabilités» (1843). Толстой имеет в виду статью: Liard Louis, Un géomètre philosophe, — «Revue des deux mondes», 1877, 1 juillet, pp. 102—124.

³ См. предыдущее письмо, прим. 15-е.

⁴ Страхов взял на себя правку корректур отдельного издания «Анны Карениной».

⁵ Шипка — первый перевал через Балканский хребет, на пути из Тырнова в Адрианополь, высотой в 1334 метра. Перевал этот был занят русскими войсками 7 июля. Турецкий генерал Сулейман-паша задался целью выбить русских из Шипки и к 8 августа сосредоточил против шеститысячного русского отряда 28 тысяч человек. С 9 августа начались бои; «третий день» — 11 августа — был критическим; благодаря подошедшим подкреплениям русским удалось удержать свои позиции. Бои продолжались до 15 августа, с громадными потерями, но без решающих результатов, после чего перешли в так называемое «шипкинское сиденье», закончившееся 24 декабря отступлением турок.

24

[2 сентября 1877 г., Ясная Поляна]

Вернувшись из Москвы, куда я ездил за учителем¹, я нашел ваше последнее, унылое письмо², дорогой Николай Николаевич. Дух праздности, уныния, любоначалия, празднословия³... Не поддавайтесь им, этим духам. Я борюсь с ними постоянно и потому и боюсь, что другие страдают от них. Сведения, котор[ые] вы сообщили мне о воспоминаниях о нас оптинских старцев⁴, и вообще воспоминания о них мне очень радостны⁵. Я знаю, что ваше уныние происходит преимущественно от того, что вы не можете ежедневно заниматься своим главным делом (какое ваше главное дело? я наверно не знаю, но думаю, что это философия, и думаю, что начатая вами статья о физических науках и есть оно самое). Но я уверен, что у каждого человека есть призвание и что он чувствует его (но только тогда, когда исполняет его). Те люди, которых призвание таково, что можно без подготовки заниматься им ежедневно, счастливее вас и меня, потому что они не знают уныния. Но оттого я счастливее вас, что живу в уединении. Если у меня не готова работа, я жду и ничего не развлекает меня и не путает, а вас, я боюсь, развлекает общество неизбежное, или вам так кажется, и вы приходите в уныние.

Виделся я в Москве в поисках за учителями с Цингером⁶. Он очень много занимается воображаемой геометрией, но считает это совершенно праздной и модной наукой, которая может быть только интересна для философа:

В вашем последнем письме я не понял того, с чего вы начинаете: и больше ничего не нужно. Объясните пожалуйста⁷. «Десять лет реформ»⁸ я купил в Москве и благодарю за указание. — Если вспомните еще что — пожалуйста напишите.

Чувство мое по отношению к войне перешло уже много фазисов, и теперь для меня очевидно и несомненно, что эта война, кроме обличения, и самого жестокого и гораздо более яркого, чем в 54 году, не может иметь последствий.

Вернувшись из Москвы, нашел тоже письмо от Фета с присылкой статьи Бологова, как пишет Фет⁹. Но с первых страниц я узнал Фета. Статья по-моему очень хороша за исключением преизбытка и неожиданности сравнений. Он желает ее напечатать, и мне бы хотелось, потому что сказано все то, что я бы хотел сказать. Что вы скажете? И куда бы ее приняли в видное место?

Сейчас получил письмо 8 раненых, которые должны поместиться у нас¹⁰. Совершенно впечатление пожара в городе, в котором вы живете, — хотя и далеко, но жить спокойно нельзя. Обнимаю вас от всей души и желаю духа бодрости и сознания исполнения призвания.

Ваш Л. Толстой

Степа, когда вспоминает о вас, что он делает часто, весь распускается от умиления нежности к вам. Он благодарит за память.

Печатается по рукописной копии Е. Д. Хирьяковой. Дата копии.

¹ Толстой ездил в Москву 25 августа.

² От 25 августа. Страхов сообщает в нем слухи о военных делах, об огорчении, причиненном ему Вл. С. Соловьевым, и заканчивает словами: «Ах, как это все скучно и жалко» (см. ПС, стр. 128—129).

³ Слова из церковной молитвы Ефрема Сирина.

⁴ В копии: «старцах».

⁵ 16 августа Страхов писал: «Сейчас был у меня Павел Александрович Матвеев; он навещал Оптину Пустынь после нас и привез мне целую кучу разговоров об вас и даже обо мне. Отцы хвалят вас необыкновенно, находят в вас прекрасную душу...» (ПС, стр. 126).

⁶ Цингер Василий Яковлевич (1836—1907), математик, профессор Московского университета, знакомый семьи Толстого.

⁷ Свое письмо от 25 августа Страхов начинал словами: «И больше ничего не нужно. Так нужно бы кончить мое прошлое письмо» (ПС, стр. 128); в ответном письме от 8 сентября он не объясняет их.

⁸ «Десять лет реформ» (СПБ., 1872) — сочинение деятеля крестьянской реформы Алексея Адриановича Головачева (1819—1908). Страхов рекомендовал книгу Толстому в ответ на его просьбу подыскать ему литературу по истории царствования Александра II. «Буду искать книг и пособий для изучения нынешнего царствования», — писал Страхов 17 августа. — Есть книга Головачева «Десять лет реформ». Ее хвалили, как очень дельную; если ее не сожгла цензура, я непременно пришлю» (ПС, стр. 127).

⁹ Речь идет о статье Фета, публикуемой ниже (см. стр. 231—238).

¹⁰ Письмо это неизвестно. 3 сентября 1877 г. С. А. Толстая писала Т. А. Кузминской: «На-днях нам пришлют в Ясную Поляну десять раненых, выздоравливающих, и я завтра посылаю покупать парусины, посуды и пр. для того, чтоб устроить этих солдат» (ГТМ). Однако, присылка раненых со дня на день откладывалась, а из письма С. А. Толстой к сестре от 28 ноября мы узнаем, что этот план вообще расстроился: «А наше намерение взять 10 раненых, выздоравливающих, — пишет она, — осталось без результата, так как министерство запретило выпускать из больниц по деревням; солдаты балуются, не берегутся и делаются опять больны» (ГТМ).

Только что хотел вам написать, дорогой Николай Николаевич, именно с тем, чтобы спросить у вас, что с вами делается — нет ли у вас горя, или не очень ли вы увлеклись работой, как получил ваше письмо¹.

Очень грустно мне за вас, я по тону, которым вы говорили о покойном, чувствовал, что он вам очень близок и дорог. — Мне кажется, что из того, что я от вас знаю о нем, я ясно понимаю его характер, и он мне очень мил. Тем более сочувствую вам и тем менее могу ободрить вас, что я сам это последнее время в самом унылом, грустном, убитом состоянии духа. Разумеется я не знаю, отчего это происходит; если бы я знал, я бы боролся. Но два главные предлога моей грусти, это моя

праздность, постыдная и совершенная, и состояние жены, болезненная беременность и предстоящие в декабре роды². Менее важный предлог, это — мучительная эта война.

Знаю, что грех мне жаловаться, но в душе я сам себе и только вам одному жалуясь. Мучительно и унижительно жить в совершенной праздности и противно утешать себя тем, что я берегу себя и жду какого-то вдохновения. Все это пошло и ничтожно. Если бы я был один, я бы не был монахом, я бы был юродивым, — т. е. не дорожил бы ничем в жизни и не делал бы никому вреда.

Пожалуйста не утешайте меня, и в особенности тем, что я писатель. Этим я уже слишком давно и лучше вас себя утешаю; но это не берет, а только внемлите³ моим жалобам, и это уже меня утешит.

На-днях слушал урок священника детям из катехизиса. Все это было так безобразно. Умные дети так очевидно не только не верят этим словам, но и не могут не презирать этих слов, что мне захотелось попробовать изложить в катехизической форме то, во что я верю, и я попытался⁴. И попытка эта показала мне, как это для меня трудно и, боюсь, невозможно. И от этого мне грустно и тяжело.

Может быть, письмо мое подействует на вас по правилу *similibus curantur*⁵ и возбудит к энергии. Дай бог. Но не сердитесь на меня за это. Всей душой любящий вас

Л. Толстой

Печатается по рукописной копии Е. Д. Хирьяковой. Дата копии.

¹ Письмо это, в котором Страхов сообщал о смерти своего друга, И. А. Шестакова, неизвестно.

² 6 декабря 1877 г. у Толстых родился сын Андрей.

³ В копии написано сначала «внемлите», а потом поправлено на «внемлет».

⁴ Эта попытка догматического изложения христианского учения осталась неоконченной. Сохранившийся отрывок напечатан в т. XVII Юбилейного издания.

⁵ Основной тезис гомеопатов: *similia similibus curantur* — подобное излечивается подобным.

Грустно мне за вас, дорогой Николай Николаевич. Я воображаю, как вам особенно тяжело было это горе людей, которых вы любите и с которыми живете. Но что означают слова: вот начинают не-счастья, которых я боялся¹.

За книги, и те и другие, не могу вам сказать, как я вам благодарен. Я уже весь ушел в них, т. е. Штрауса, Ренана, Прудона, Мах-Мüller и Vignouf² у меня есть теперь. Одного мне нужно еще — это Канта этику, «Критику практического разума», кажется; но я выписал себе. Над Соловьева статьей³ я долго ходил, боясь к ней приступить. Я видел, что она касается того, что занимает меня; и в изложении мыслей современного и соплеменного мыслителя есть особенная волнующая близость и значительность. Нынче я прочел ее. Все шло прекрасно до стр. 12-й, где вдруг оказывается, что основные начала знания добра и зла бывают (это нашел Соловьев) отвлеченные и положительные, а положительные имеют силу тогда, когда за ними признается основание божественное. Что такое божественное? Что это за знание или мышление, при котор[ом] предполагается бог, и что такое бог? Прежде надо решить, законны ли те начала, которые не могут быть⁴ без бога, или наоборот законны ли те начала, кот[орые] без бога. И что такое за необходимость вводить бога? Случайное ли это суеверие или неумелость выражения, или это необходимый прием⁵. И не единственный ли это

прием мышления об основных началах (как я думаю). И тогда, да и не только тогда, но и во всяком случае надо объяснить, говоря об началах, за кот[орыми] признается божественное основание, что такое это значит; ибо очевидно, что в этом основании-то и самое начало. А он классифицирует. Если бы он потрудился определить, что он понимает под полож[ительными] начал[ами], имеющ[ими] основ[анием] божеств[енное], то он бы наткнулся на то самое начало, без которого не может быть и отвлеченных начал. Отвлеченные слова могут быть, но начал знания не может быть иных, как положительных (т. е. настоящих), ибо, если бы они не были настоящие, не было бы и знания никакого. А основы эти необъяснимы разумом, находятся вне нас и потому божественны, не потому что они прекрасны, непоколебимы, истинны, а потому что они обнимают нас с нашим знанием, мы в них, в их области, и потому они для нас боги или бог. Я увлекаюсь, высказывая то, что я думаю, и высказываю кажется неясно, но возражение мое Соловьеву и всем философским статьям этого рода остается во всей силе; нельзя, говоря об основах знания, вводить понятие божества, как случайный признак, годный для подразделения.

Потом, как неверна и мала его попытка опровержения Шопенгауэра, что при состраданиях мы будто содействуем призрачной ложной жизни тех, кому мы сострадаем. Шоп[енгауэр] говорит, что, отдаваясь состраданию, мы разрушаем обман обособления и отдаемся закону сущности вещей, единству, а что из этого выйдет — это все равно. Его этика совпадает следовательно с метафизическими началами⁶. Чего же еще можно требовать?

Против утилитаризма тоже неубедительны его доводы, что необходим абсолютный принцип. Почему? Формула альтруизма опровергается, по-моему, точно так же просто, как и формула эгоизма. Встретившиеся в дверях скорее разойдутся, если подерутся, чем если будут уступать друг другу. Практического приложения этой формулы очевидно нет никакого, и нелепость ее не бросается нам в глаза только потому, что нравственная истинность этого положения соответствует основному началу нашему [и] слишком очевидна. Не взыщите, что, рассчитывая на благосклонность вашего понимания моих мыслей, высказываю их вам, как попало⁷. Радуюсь вашему обещанию кончить статью на рождестве⁸. Смотрите же, не откладывайте и пришлите мне. Фет в восхищении от вашего письма и вашего обещания приехать к нему⁹. — Мы опять вместе поедem, если бог даст, так как я надеюсь, что вы лето, ваше свободное время, никому не обещаете, кроме нас.

Жена и ребенок, слава богу, здоровы, и я оживаю. Что я делаю? Не могу сказать, но я работаю и более доволен собой.

Я узнал в Туле, куда я ездил, как гласный, на земское собрание¹⁰, Хомякова¹¹, сына А[лексей] С[тепановича]. Очень хороший и умный человек. Хотелось бы вас познакомить с ним.

Ваш Л. Толстой

Печатается по рукописной копии Е. Д. Хирьяковой. Дата копии.

¹ Страхов писал 12 декабря: «У нас в доме случилось большое горе, бесценный Лев Николаевич. Старший мальчик Стахеевых умер почти скоропостижно. Он слег в день моих именин, а 9-го утром умер. По словам доктора, у него были вместе scarlatina, тиф и жаба. Отец и особенно мать поражены ужасом. Это была их надежда, центр всей семьи... Вот начинаются те несчастья, которых я боялся» (ПС, стр. 115).

В ответном письме от 27 декабря Страхов поясняет: «Вот начинаются несчастья. Я уже давно сообразил, что Стахеевы люди несчастные, большие, для которых нет впереди хорошего будущего, и я даже хотел эгоистически уйти от них, чтобы не нести своей доли тяжести, но видно уж поздно — мне их ужасно жалко» (ПС, стр. 139).

² Мюллер Макс (1823 — 1900), санскритолог, профессор Оксфордского университета, и Бюрнуф Эмиль (1821 — 1907) — авторы работ по сравнительной мифологии и истории религий.

³ Имеется в виду статья Вл. С. Соловьева «Критика отвлеченных начал», главы I—V которой были напечатаны в «Русском Вестнике», 1877, ноябрь, стр. 5—50. Заключенная печатанием в декабрьской книжке (стр. 363—511), она вышла отдельным изданием в 1880 г. и представлена Соловьевым в качестве диссертации на степень доктора философии.

⁴ Зачеркнуто: «постановлены».

⁵ Зачеркнуто: «мышление».

⁶ В копии было написано сначала «метафизическими началами», а потом поправлено (очевидно, ошибочно) на «математическими началами».

⁷ Касаясь в ответном письме от 24—27 декабря критики Толстым статьи Вл. Соловьева, Страхов пишет: «Чтобы не заговориться, обращаюсь к Соловьеву. Я сейчас только прочитал еще его статью, явившуюся в «Гражданине», — «Вера, разум и опыт», первая статья — и я готов просто браниться. Это все болтовня, в которой маленькая искра философской работы потоплена в беспорядочной массе слов. Вы никогда не разберете, откуда оно идет, что у него свое, что чужое, что взято готовое, что прибавлено, что доказано, что вопрос. В сущности его первая работа — Кризис — самая серьезная; теперь он пустился без оглядки писать. Вы знаете, он диктует свои статьи stenografke?»

Вы совершенно правы в ваших замечаниях: утилитарианизм не только не опровергнут, а даже толком не изложен; а Шопенгауэр опровергается посредством прежального софизма. К таким софизмам он очень расположен; их множество в «Философских началах цельного знания», я ловил его на них и в разговорах, и они причиной, что его мысли не достигают определенности, а все сбиваются на тавтологии» (ПС, стр. 138).

⁸ Страхов писал 12 декабря, что статья его «Об основных понятиях психологии» «на рождестве непременно будет написана».

⁹ Письмо Страхова к А. А. Фету от 27 ноября 1877 г. напечатано в «Русском Обозрении», 1901, № 1, стр. 72—73. Письмо Фета, в котором он высказывается по поводу этого письма к нему Страхова, неизвестно.

¹⁰ Толстой несколько раз ездил в декабре 1877 г. в Тулу на губернское земское собрание. 12 декабря он был избран почетным попечителем Тульского реального училища, сроком на три года («Отчет Тульской губернской земской управы за 1877—1878 гг.», Тула, 1878, стр. 45).

¹¹ Хомяков Дмитрий Алексеевич (1841—1919), помещик Тульского уезда, Тульской губернии, земский деятель и писатель славянофильского направления, сын Алексея Степановича Хомякова, известного славянофила.